

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**В поисках
Леонардо**

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина
В поисках Леонардо

«Автор»

Вербинина В.

В поисках Леонардо / В. Вербинина — «Автор», — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-21972-8

Секретный агент Амалия получает задание заполучить для коллекции Эрмитажа шедевр Леонардо да Винчи, который некий ловкий мошенник ухитрился продать одновременно русскому царю, английской королеве, германскому кайзеру и австрийскому императору, после чего исчез с картиной и всеми деньгами. Поиски приводят Амалию на корабль, отправляющийся в Новый Свет, причем среди пассажиров скрываются агенты всех обманутых правителей – им тоже поручено найти картину. Что ж, посмотрим, кто окажется первым!

ISBN 978-5-699-21972-8

© Вербинина В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая,	7
Глава вторая,	16
Глава третья,	24
Глава четвертая,	30
Глава пятая,	36
Глава шестая,	43
Глава седьмая,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерия Вербинина

В поисках Леонардо

Пролог

Десять основных правил русского агента

1. Русский агент работает во имя своей отчизны и на благо ей, для чего он должен быть готов на любые жертвы, любые подвиги и любые свершения.

2. Действия русского агента должны быть направлены на защиту, процветание и укрепление могущества нашей великой Российской империи в той мере, в какой позволяют его способности и личные качества. Никакие интересы приватного характера, в том числе и корыстные, не должны мешать осуществлению его первой и единственной цели: служению Родине.

3. Круг обязанностей русского агента чрезвычайно широк. Сюда можно отнести: сбор, анализ и проверку сведений, имеющих особо важное значение для безопасности государства и/или его первых лиц, а также сведений военных, стратегических, технических, политических и любых иных, владение которыми определяет будущее Российской империи и упрочает положение ее среди других держав.

Для получения вышеназванных сведений русский агент имеет неограниченные возможности, каковыми он пользуется по своему выбору и усмотрению.

4. Кроме того, русскому агенту могут быть поручены особые миссии различной степени важности, не связанные с его непосредственной деятельностью, но которые обусловлены самим ее характером (см. правило 2).

5. Русский агент работает, как правило, за пределами Российской империи, однако в некоторых (довольно редких) случаях появляется надобность в его услугах и на ее территории, о чем русский агент заблаговременно ставится в известность.

6. Характер работы русского агента предполагает, что деятельность его должна держаться в секрете от властей страны, на чьей территории он находится в настоящее время. В целях обеспечения оной секретности агент может переменить имя и/или внешний вид по своему усмотрению, а вспомогательные службы русской разведки обязаны обеспечить его всем для сего потребным.

7. Для успешной работы в качестве русского агента необходимы: хорошее знание людей и иностранных языков, логический ум, умение разобраться в политическом положении, смелость, находчивость и быстрая реакция. Владение оружием, навыки рукопашного боя и любое дополнительное образование приветствуются, но не являются обязательными.

8. Перед выполнением каждого задания русский агент получает сумму денег, размеры которой определяет его начальство. Если агент сочтет предоставленные средства недостаточными для успешного осуществления его миссии, он вправе подать записку с обоснованием предполагаемых расходов или попытаться в устной беседе с начальством настоять на увеличении выделяемых средств. По выполнении задания агент отчитывается в своих расходах по общей форме.

Как государственный служащий, русский агент получает ежемесячное жалованье, соответствующее его рангу и заслугам. Агент, особо отличившийся на службе, имеет право на дополнительное вознаграждение, каковое принимает форму либо денежного поощрения (сверх установленного жалованья), либо повышения в чине, либо представления к орденскому знаку отличия. Порядок и величину вознаграждения определяет непосредственное начальство одного агента.

9. Русский агент не должен ни на мгновение упускать из виду, что существуют другие агенты, руководствующиеся теми же принципами, что и он, но работающие на державы, чьи интересы могут не совпадать с нашими и, более того, быть нам резко враждебными. Любой человек в окружении русского агента теоретически может оказаться неблагонадежным, поэтому при контактах с людьми агенту предписывается повышенная осторожность. В случае неудачи, пленения или тюремного заключения представители Российской империи сделают все от них зависящее, дабы выволить попавшего в беду русского агента, но не следует забывать, что каждый провал является губительным для его репутации и значительно сужает его возможности, а значит, наносит урон интересам Российской империи. Помните, что хороший агент – это не в последнюю очередь тот, кто не раскрывается, не попадает и в любых обстоятельствах делает свое дело.

10. И последнее: что бы ни случилось с русским агентом, пусть правило первое послужит ему утешением.

Глава первая, в которой высокое лицо пребывает в недоумении

Его высокопревосходительство действительный тайный советник Волынский, в мундире и при орденах, стоял возле своего рабочего стола – объемистого, красного дерева, украшенного затейливой резьбой и снабженного несметным множеством хитроумных ящичков, в недрах которых затаились всевозможные государственные тайны. За окном, наполовину прикрытым тяжелой бархатной портьерой, виднелся кусок Невы и серое небо, в которое вонзался золотой шпиль Адмиралтейства. Тусклого освещения, проникавшего снаружи, не хватало, поэтому уже в четыре часа пополудни зажгли лампы, и блики огней трепетали, отражаясь на намечающейся нежно-розовой лысине сановника.

Господин действительный тайный советник находился в затруднительном положении, чего с ним давно уже не случалось. Тридцать четыре года, проведенные им на службе у царя, казалось бы, должны были приучить Волынского ко всякого рода неожиданностям, однако только что он с некоторым изумлением убедился: это не так. В настоящее время он был занят тем, что мысленно вычислял того, кто вздумал сыграть с ним сию скверную шутку, дабы выставить его в смешном свете. Был ли то влиятельный князь К.? Министр Г.? А может, это сам наследник, цесаревич Александр Александрович? Недругов у Волынского, причем один могущественнее другого, немало, – ведь невозможно взобраться на самый верх, никого не задев по дороге. Тонкие губы советника неприязненно сжались. Он выразительно кашлянул, прочищая горло, и еще раз поглядел на особу, чье появление выбило его из колеи в этот ничем не примечательный день 6 ноября 1880 года.

Особа, о которой идет речь, была чрезвычайно миловидной блондинкой семнадцати лет от роду, с черными высоко изогнутыми бровями и карими глазами, в которых нет-нет да вспыхивали золотистые искорки. Умело пригнанное платье цвета *gris perle*¹ было ей весьма к лицу, хоть и отличалось безыскусностью кроя. В руках особа держала маленькую муфту из меха снежной лисы.

В помпезном кабинете, подавляющем своей вызывающей роскошью, с дорогой мебелью и огромным, писанным маслом, портретом императора Александра II на стене, эта девушка была явно не к месту. Казалось, она заблудилась по пути на очередной бал или в гостиную, полную светских бездельников, и по ошибке завернула сюда спросить дорогу.

Впрочем, по виду девушки никак нельзя было сказать, что она чувствует себя не в своей тарелке. У нее было спокойное, немного отрешенное лицо человека, который вынужден ждать чего-то или кого-то, но отнюдь не испытывает неловкости или неуверенности. В ней было какое-то внутреннее достоинство, и именно это достоинство побудило чиновника вскочить со своего места за столом и шагнуть девушке навстречу, едва она вошла. Ему вдруг показалось невероятным сидеть, когда она стояла, – и это при том, что его высокопревосходительство не имел привычки подниматься, чтобы приветствовать своих подчиненных.

Волынский снова кашлянул. Молчание явно затягивалось. Супостат, подославший к нему блондинку с муфтой, все еще не был найден, и советник мысленно махнул на вычисление его рукой. Кроме того, он отчего-то забеспокоился, хорошо ли уложены его волосы и вообще, достаточно ли представительно он выглядит.

– Значит, вы – Амалия Тамарина? – спросил он. – Амалия Константиновна, если не ошибаюсь?

¹ Жемчужно-серый (*фр.*).

– Именно так, ваше высокопревосходительство, – с приятнейшей улыбкой отвечала его собеседница.

Волынский неожиданно подумал, что длинное витиеватое обращение, к которому он, в общем-то, давно уже привык, в ее устах звучит как-то по-особенному. Подобные мысли были ему не слишком свойственны. Советник нахмурился, вперил суровый взор в муфту и слегка покачнулся на носках.

– Тамарина, Тамарина... – повторил он нараспев. – Известная фамилия, кажется?

– Некоторые так считают, – отозвалась Амалия вежливо, ничуть не погрешив против истины.

– Я знал одного Тамарина, – глазом не моргнув, соврал действительный тайный советник. – Правда, его звали не Константин, а...

– Однофамилец, наверное, – спокойно заметила его собеседница. – У моего отца братьев не было.

– Ах так... – По тону советника можно было заключить, что он только что узнал факт величайшей важности. – Но что же мы стоим, в самом деле? Прошу вас, присаживайтесь, Амалия Константиновна.

Император Александр на стене, в бакенбардах и с усталым лицом, казалось, оживился, созерцая очаровательную блондинку и хлопчущего вокруг нее чиновника. Последний собственноручно пододвинул прелестнице Амалии кресло, принял муфту и положил ее на другое сиденье, после чего сел сам – однако не на свое привычное место, отгороженное от посетителей столом, а на один из стульев с кокетливо изогнутыми ножками.

– Гм, – сказал его высокопревосходительство, улыбаясь и приглаживая височки, – вы ведь только что из Москвы, кажется? Ну, как там погода?

Амалия не замедлила высказаться в том духе, что в Петербурге гораздо теплее, и вообще, здешняя погода не в пример лучше тамошней.

– Вот видите, – расцвел действительный тайный советник, – я всегда говорю: Петр Великий знал, что делал, когда перенес сюда столицу.

После чего последовал небольшой сравнительный перечень достоинств града Петрова и недостатков первопрестольной. Решительно, Нева куда больше похожа на реку, чем Москва с Яузой, вместе взятые, а белые ночи в Петербурге... Но, едва заведя разговор про ночи, советник и сам почувствовал, что малость забежал вперед.

– Итак, теперь вы работаете у нас, – подытожил он.

Амалия загадочно улыбнулась. Император Александр, кажется, жалел, что не может сойти с портрета, всю его хандру как рукой сняло. А советник, устремив на Амалию пронизывающий взор, осведомился – не то игриво, не то серьезно:

– Что заставило такую девушку, как вы, попроситься к нам в службу?

Амалия слегка подняла брови. Собственно говоря, она никуда не просилась. Все получилось как-то само собой и практически без ее ведома. Впрочем, были и другие, особые обстоятельства, и они-то как раз и сыграли решающую роль.²

– Князь К. решил, что я могу пригодиться, – коротко ответила она, чтобы не вдаваться в утомительные объяснения.

– Ах так, – со значением протянул Волынский. – Князь К...

Стало быть, под советника подкапывается именно он. Или не подкапывается?

– Его императорское величество, – добавила Амалия, покосившись на портрет, – также одобрил его идею.

² О том, что это были за особые обстоятельства, читатель может подробнее узнать из романа В. Вербинной «Амалия и тень в маске».

Волынский ощутил глухое сердцебиение. Вот вам! Как обманчиво бывает первое впечатление: платье самое простецкое и прическа небрежная, а явилась с протекцией от самого императора. Мда-а, с такой девицей надо держать ухо востро: мало ли кем она может оказаться... Волынский слегка отодвинулся назад на стуле и сказал самым официальным тоном:

– Ну, раз так, я думаю... У вас уже есть опыт в делах, подобных нашим?

– Никакого, – не колеблясь ни мгновения, ответила Амалия.

«Оно и видно», – в сердцах подумал советник.

– Какие языки вы знаете?

– Французский, немецкий, английский, итальянский, – с некоторой гордостью перечислила девушка. – И польский, разумеется.

«Значит, мать у нее полячка. Так-так, любопытненько. Надо бы навести об этой Амалии Константиновне справки поточнее. Интересно, как княгиня Юрьевская, морганатическая супруга императора, относится к тому, что ее муж оказывает протекцию сей незаурядной барышне, говорящей на пяти языках и наверняка имеющей другие, не менее очевидные достоинства?» – подумал Волынский, а вслух произнес, с любопытством глядя на свою собеседницу:

– Очень хорошо. Я думаю, ваши знания вам пригодятся. Поскольку вы в нашем деле новичок, то задание будет несложным. Уверен, вы с ним справитесь.

Амалия выпрямилась.

– И что же это за задание?

Волынский заколебался. Раньше, когда он получил распоряжение – приставить к делу некую девицу, совершенно ему неизвестную, – ему показалось, что он поступит правильно, направив ее туда, где ее присутствие было бы более чем уместно. Теперь же, глядя в эти светло-карие глаза, он уже не был в своем решении так уверен. Волынский кое-что смыслил в людях, и этого кое-чего оказалось вполне достаточно, чтобы в короткий срок прийти к самым неутешительным выводам. У Амалии Тамариной нет ни опыта, ни необходимых навыков, она не разбирается в особенностях их профессии; более того, она слишком юна, бесхитростна, беззащитна и наверняка станет легкой добычей для любого мошенника, понаторевшего в их ремесле. Откровенно говоря, ей вообще было нечего делать в особой службе; но отступить было поздно, и, глубоко запрятав свою досаду, Волынский заговорил по-деловому четко и сухо:

– Вы должны незамедлительно отправиться в Париж, где поступите в распоряжение нашего агента Аркадия Пирогова. Во Франции господин Пирогов исполняет одно ответственное и чрезвычайно деликатное поручение. Ваша же задача заключается в том, чтобы его страховать. – Он заметил на лице Амалии легкую тень смущения и остановился.

– Страховать – это... – нерешительно начала девушка.

– Следить, чтобы он не попал в беду, – спокойно пояснил советник. – Видите ли, дело, которым занимается Пирогов, очень важно для нас, и провал ни в коем случае не допустим. Есть основания предполагать, что если о миссии Пирогова узнают агенты других держав, то они сделают все, чтобы помешать ему добиться своего. – Волынский вздохнул. – Пирогов – один из лучших наших людей, но и лучшие люди имеют свои слабости. Вы не должны ни под каким видом пускать его за игорный стол, иначе может случиться так, что он за картами забудет о своем задании. Также я прошу вас проследить, чтобы он не угодил ненароком под карету и не стал жертвой несчастного случая. С секретными агентами то и дело приключаются всякие неприятности, но вы не должны обращать на это внимания, – добавил советник. – У вас будут документы на имя месье и мадам Дюпон из Шарлеруа. Всем остальным займется Пирогов. – Волынский позволил себе подобие улыбки. – Как видите, задание и в самом деле очень простое.

Амалия подумала, что это с какой точки зрения посмотреть. В ее собственной семье имелся азартный игрок – дядя Казимир Браницкий, и никакая сила на свете не могла оттащить его от зеленого сукна, даже его собственная сестра, которой он боялся как огня.

– Значит, я не даю этому месье Пирогову играть и слежу, чтобы он не погиб до исполнения задания, – подытожила девушка. – Не могли бы вы мне все-таки рассказать, в чем оно заключается?

Волынский отрицательно покачал головой:

– Рад бы, дражайшая Амалия Константиновна, да не могу. Тайна, знаете ли, она на то и тайна, чтобы ее хранить.

– Ну что ж... – Амалия смерила его взглядом, ослепительно улыбнулась и поднялась с места. – Тогда, ваше высокопревосходительство, не смею более злоупотреблять вашим вниманием. Полагаю, я должна теперь собраться для отъезда во Францию?

Волынский мрачно посмотрел на нее.

– Сядьте, Амалия Константиновна. К чему такая спешка? Вы еще не получили моих инструкций.

– Ах, простите великодушно, Петр Еремеевич. – Амалия села и разгладила складки платья на коленях.

– Завтра утром, – с неудовольствием заговорил советник, – вы сядете со своим пашпортом на поезд. В Париже оставите документы в посольстве, у статского советника Белякова, он же выдаст вам бумаги на имя Амели Дюпон.

– Почему Дюпон? – не удержалась Амалия. – Это ведь очень распространенная во Франции фамилия, как у нас Иванов.

– Именно поэтому, – сухо сказал действительный тайный советник. – Чтобы затруднить установление вашей истинной личности. Как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы проверить всех Дюпонов, проживающих во Франции? То-то же.

У Амалии мелькнула мысль, что уловка какая-то детская, ведь достаточно отследить ее путь до и после посольства, чтобы раскрыть ее, но ничего не сказала.

– Итак, вы – Амели Дюпон, а Пирогов – Эрве Дюпон. Эту схему мы придумали, как только нам поручили поиски Висконти, но агентесса, которая должна была сопровождать Пирогова, совершенно неожиданно выскочила замуж. – Кончик рыхлого носа Волынского дернулся от возмущения. – Совершенно непростительное легкомыслие! И, главное, даже меня не предупредила. В хорошеньком я оказался положении, доложу я вам!

Амалия смотрела на этого старого, сухого, поблекшего человека. Нет, она не ошиблась: в нем и в самом деле было что-то детское. Полученные им обиды, мнимые или действительные, он переживал с типично детской злопамятностью.

– А кто такой Висконти? – спросила она, чтобы хоть что-то спросить.

– Онорато Висконти, который... – Волынский остановился. – А вы очень хитры, – убежденно заявил он, грозя Амалии пальцем. – Очень! Значит, вам не терпится узнать, чем занимается Пирогов?

– Мне было бы это интересно, – ответила Амалия совершенно искренне.

Волынский встал, заложил руки за спину и прошелся по кабинету.

– Что вам известно о Леонардо да Винчи? – спросил он наконец, подходя к портрету Александра.

– О Леонардо да Винчи? – удивилась Амалия. – Великий итальянский художник и изобретатель, родился в Винчи близ Флоренции, умер во Франции, в Клу, я видела его могилу, когда была в тех краях. Самая знаменитая его картина – «Джоконда», которая...

– Достаточно, – перебил ее Волынский с легкой гримасой утомления. – Не тараторьте, как гимназистка, мадемуазель, это неприлично.

– Простите, ваше высокопревосходительство, – тут же нашлась Амалия. – Я совсем забыла, что говорю с человеком по меньшей мере втрое старше себя.

Волынский подозрительно уставился на свою новую подчиненную. Почудилось ли ему или она и впрямь имела намерение поставить его на место? Но взор у Амалии был такой

чистый, такой безмятежный, что действительный тайный советник подавил раздражение. Он подумал, что Амалия Константиновна попросту глуповата. Конечно же, она и в мыслях не имела задеть его.

– Спору нет, Леонардо – великий художник, – продолжал Волынский более сухо. – Однако картин его осталось мало, ничтожно мало, и иные из них даже не закончены. Французам повезло, что их король Франсуа³ Первый пригласил Леонардо к себе. В результате им досталась «Джоконда», не говоря уже о мелочах вроде «Мадонны с младенцем и святой Анной», «Иоанна Крестителя», «Вакха», «Прекрасной Ферроньерки» и «Мадонны в скалах». У англичан – только посредственная копия последней и картон «Святой Анны», но оно и понятно: они никогда ничего не смыслили в искусстве. В Италии, главным образом в Уффици, осели ранние вещи Леонардо – набросок «Святого Иеронима», «Благовещение» и «Поклонение волхвов», например. Впрочем, «Поклонение волхвов» производит впечатление даже в таком виде. В монастыре Санта-Мария-делле-Грацие в Милане находится знаменитая фреска «Тайная вечеря», от которой, можно сказать, почти ничего не осталось, одно воспоминание. В Кракове хранится испорченный портрет Чечилии Галлерани, «Дама с горностаем». У нас же только пятнадцать лет назад появилась одна-единственная «Мадонна», купленная по случаю у миланского герцога Антонио Литта⁴. – Действительный тайный советник сокрушенно вздохнул. – Некоторые, впрочем, сомневаются, что последняя и впрямь написана Леонардо. Ни в Дрездене, ни в Берлине, ни в Вене его картин нет, так что вы сами понимаете, что началось, когда неожиданно всплыла эта старая картина... Она называется «Леда».

– О! – воскликнула Амалия. – Но ведь «Леда» безвозвратно утрачена...

– Так считалось, – перебил ее действительный тайный советник, – в течение очень долгого времени. О «Леде», по сути дела, было известно немного. Леонардо привез ее с собой во Францию, и она осталась там, как и «Джоконда». Потом кто-то – возможно, мадам де Ментенон, морганатическая супруга Луи Великого, – нашел, что картина непристойна. Мифическая Леда, как вы, верно, знаете, известна тем, что Зевс соблазнил ее в образе лебедя. – Волынский взгляделся в лицо Амалии, не покрылось ли оно стыдливым румянцем, но хрупкая барышня и ухом не повела. – Считается, что именно по этой причине картина Леонардо была уничтожена. Во всяком случае, она бесследно исчезла в самом конце семнадцатого века. Надо сказать, что картинам на сей сюжет не слишком везет – Мария Медичи, например, приказала уничтожить «Леду» Микеланджело, которая опять-таки оскорбляла ее представления о нравственности. К счастью, остались рисунки Леонардо к его работе, остались копии с «Леды», снятые другими художниками, так что мы можем представить себе, как она выглядела. Лучшая копия, хотя и весьма вольно передающая оригинал, принадлежит художнику... как его, с совершенно непотребной фамилией...

«Содома», – мысленно подсказала Амалия. Эту картину она видела в Риме, в галерее Боргезе.

– Есть еще набросок Рафаэля и несколько копий меньшего значения, разбросанные по всему свету⁵. – Волынский остановился у стола, открыл один из ящичков и стал перебирать лежащие в нем бумаги. – Барон Корф представил мне основательный доклад на эту тему... Ах да, вот и он. Помимо копий, мы располагаем подробными словесными описаниями «Леды», среди которых наиболее полным является описание Кассиано дель Поццо, сделанное в 1625 году. Если верить ему, Леонардо изобразил стоящую во весь рост Леду почти полностью обна-

³ В нашей традиционной историографии этот король с маниакальным упорством именуется Франциском, точно так же, как Луи – Людовиком, а Анри – Генрихом. (Здесь и далее – прим. автора.)

⁴ Читатель может заинтересоваться, отчего советник не называет «Мадонну Бенуа», которая также находится в Эрмитаже. Ответ прост – она была куплена у семьи Бенуа лишь в 1913 году, а его высокопревосходительство не был провидцем...

⁵ Наиболее точной считается копия работы Чезаре да Сесто, ученика Леонардо, которая находится во флорентийской галерее Уффици.

женной. Сбоку от нее – лебедь, у ее ног – два яйца, из скорлупы которых появляются четверо детей: Кастор и Поллукс, Елена и Клитемнестра. – Волынский свирепо фыркнул. – Все это происходит на фоне превосходно выписанного пейзажа. Глаза у Леды опущены, на губах задумчивая улыбка. Работа выполнена на трех продолговатых деревянных панелях, причем стыки между ними расклеились и краска вдоль стыков осыпалась уже в то время, когда картину видел этот Кассиано. Тот же автор отмечает, что шедевр вообще находится в неважном состоянии, так что, возможно, вовсе не соображения морали были причиной его исчезновения, а то, что картина просто-напросто пришла в полную негодность. – Волынский положил доклад обратно в ящик и с хрустом задвинул его внутрь стола. – Замечу, что картина считалась бесспорным шедевром, но разыскать ее никто не пытался. Так что вы можете себе представить, что, когда к князю Урусову, нашему послу в Италии, обратился его хороший знакомый с вопросом, не желает ли он приобрести для своего государя «Леду» Леонардо да Винчи, он отнесся к этой идее весьма прохладно. Тем не менее, так как его знакомый был уважаемым человеком и Урусову не хотелось обижать его, наш посол взял с собой эксперта и отправился поглядеть на картину. – Волынский сделал выразительную паузу.

– И что же, ваше высокопревосходительство? – с любопытством спросила Амалия.

– Это оказалась действительно «Леда» да Винчи, – ответил Волынский с грустью. – Эксперт чуть с ума не сошел от радости. Картина сильно потемнела от времени – известно, что Леонардо любил мудрить с красками, – но тонкость прорисовки, *сфумато*, обработка панелей и другие вещи, в которых специалисты разбираются больше нас с вами, не оставляли сомнений. Это была *та самая* «Леда». Но Урусов, как человек осторожный, прежде всего справился, откуда она взялась. Он получил самые исчерпывающие объяснения: предки продавца, Онорато Висконти, долгое время были послами при французском дворе, и не исключено, что кто-то из них выпросил картину, чтобы спасти ее от гибели.

– Так продавец – Онорато Висконти?

– Именно. Из семьи, что когда-то правила Миланом, до прихода Сфорца. Дворянин, светский завсегдатай, человек в высшей степени приличный. Картину он обнаружил случайно, среди старого хлама на чердаке. Оказывается, тот Висконти, что вез ее домой, в пути умер не то от чумы, не то от холеры, и его вещи мало того что прибыли с большим опозданием, так еще и никто не захотел к ним притрагиваться, их даже не стали толком разбирать. Звучит вполне убедительно, не правда ли? За картину Висконти заломил чудовищную цену, но, сами понимаете, она того стоит. Урусов не мог выплатить всю сумму сразу – да и никто не смог бы, кроме Ротшильда, – так что он оставил Висконти задаток (что-то около восьми тысяч рублей золотом) и попросил держать их сделку в тайне, зная, что многие державы захотели бы прибрать картину к рукам. – Волынский укоризненно покачал головой. – Вы знакомы с Урусовым?

Амалия кивнула:

– Я была в Италии с отцом и встречала его. Очень любезный господин.

– Тогда вы можете вообразить себе его физиономию, – сладострастно проскрипел Волынский, заложив руки за спину и раскачиваясь на носках, – когда он узнал, что Висконти исчез, а денежки и картина испарились вместе с ним. В Петербург полетели отчаянные депеши. Когда кто-то садится в лужу, кого просят исправить положение? Ясное дело, Волынского. Я тотчас отрядил Пирогова разобраться на месте. И что он мне докладывает? Что *notre honnkte*⁶ Висконти, помимо нас, успел пообещать картину английской королеве Виктории, германскому кайзеру Вильгельму и австрийскому императору Францу-Иосифу. И представители этих государей, замечу, исправно выдали ему задаток, и все просили сохранить дело в строжайшем секрете. Каково, а?

– И ни один из них...

⁶ Наш честный (*фр.*).

– Ни один, уверяю вас, не догадывался о подвохе. Еще бы! Ведь они имели дело с самим Онорато Висконти, всем известным, всеми уважаемым господином, который ни разу никого не обманул! – Глаза Волынского горели. – Его императорское величество был в ярости и приказал во что бы то ни стало отыскать картину и доставить во дворец. На карту поставлен престиж монархии! А у меня проблема – этот мошенник Пирогов, как только завидит карты, начинает чувствовать зуд в ладонях. Ха-ха-ха! – Он громко рассмеялся над собственным каламбуром. – Вы ведь понимаете, о чем я? Так вот, к картам его подпускать ни в коем случае нельзя!

– Ваше высокопревосходительство, – учтивейшим образом перебила его Амалия, – теперь мне все более или менее понятно, кроме того, почему наш агент оказался в Париже. Ему что, удалось напасть на след Висконти?

– Ах, вот вы о чем... – Волынский пригладил седеющие височки. – Да, теперь все секретные службы Европы только тем и занимаются, что ловят этого шаромыжника. Согласно последним сведениям, синьор Висконти удрал из Италии и перебрался во Францию, где и затаился. Он принял массу предосторожностей, чтобы его не нашли, но в разведке тоже работают люди не промах. Если верить сообщениям Пирогова, агенты кайзера едва не перехватили Висконти на улице возле какой-то захудалой гостиницы, но тот сумел сбежать, оставив их с носом. В свою очередь, сам Пирогов ухитрился добраться до вещей Висконти и выпотрошил весь его багаж, но ни денег, ни картины не обнаружил.

– Может быть, это потому, – задумчиво заметила Амалия, – что никакой картины и не было, а была только приманка, с помощью которой Висконти хотел поправить свое финансовое положение и от которой избавился, как только добился своего.

Волынский резко распрямился.

– Конечно, я указал на такую возможность в записке его императорскому величеству, – желчно промолвил он. – Я предположил, что Леонардо – никакой не Леонардо, а эксперт Илларионов, осматривавший картину, чистой воды осел. – Волынский хитро сощурился. – Но ведь другие послы тоже приводили своих экспертов, а английский посол лорд Фаунтлерой так тот вообще отличился – не поленился прихватить с собой сразу двух искусствоведов из Британского музея. Все эксперты дали положительное заключение, иначе этот мошенник Висконти не смог бы так ловко вытрясти из послов денежки. Нет, в том-то и сложность, что картина действительно существует, что она действительно написана Леонардо, и если мы не заполучим ее, весь мир будет смеяться над нами. Хорошо еще, что проныры-газетчики не пронюхали об этой истории. Представьте, какой разразился бы скандал: четыре посла великих держав дали себя провести, как мальчишки! – Лицо Волынского покраснело от удовольствия. – К счастью, Пирогов хорошо знает свое ремесло, и в своем последнем донесении он сообщил, что теперь Висконти от него точно не ускользнет. Дело в том, что мошенник собирается навсегда покинуть Европу. На каком именно корабле, Пирогов пока не знает, но когда вы встретитесь с ним, к тому времени наверняка уже узнает. – Волынский подался вперед. – Так вот, если вам придется сопровождать нашего агента в путешествии через океан, ни в коем случае не выпускайте его из виду, потому что немцы, австрийцы и англичане дремать не будут. Не дай бог, Аркашка свалится за борт во время шторма или свернет себе шею, поскользнувшись на палубе, так что как следует приглядывайте за ним! Да, и помните: никаких карт! Он уже пару раз горел на этом, но сейчас не тот случай, когда можно расслабляться. «Леда» должна быть в России!

– Я понимаю, ваше высокопревосходительство, – смиренно сказала Амалия, добавив: – Но что, если эксперты все-таки ошиблись и никакой «Леды» на самом деле нет? Ведь Висконти, насколько я помню, был очень искусным рисовальщиком. А я, признаться, не очень верю в истории о шедеврах, воскресающих из небытия. И потом, Висконти ведь мог просто-напросто подкупить экспертов, чтобы те дали положительное заключение. Если «Леда» – обыкновенная фальшивка, то тогда становится понятным и его поспешное бегство, и то, почему картины не оказались среди его вещей. Ведь тогда...

– А это уже, драгоценнейшая, не ваша забота, – ласково-ядовитым тоном перебил ее Волинский. – Неужели вы полагаете, что я сам не пришел к такой же мысли? В моем возрасте накладно получать нагоняи от государя! Так что извольте перестать умничать, это до добра не доводит. Лучше ступайте-ка на первый этаж в кабинет к господину Серебряному да получите денежки на накладные расходы, а потом – айда собирать вещички. Завтра с утренним поездом вы отбываете в Париж. Пирогов встретит вас на вокзале. По французскому паспорту вы будете его жена, не забывайте об этом. – И он с удовольствием увидел, как покраснела Амалия.

– Но я же совсем не знаю его, как и он меня, – попробовала протестовать девушка. – Как он поймет, что это я?

– Ему сообщат номер вашего места и ваши приметы, – сухо сказал Волинский. – Кстати, у вас будет тринадцатое место. Вы не слишком суеверны, я надеюсь?

– О, что вы, ваше высокопревосходительство! Число «тринадцать» – мое самое любимое, – не моргнув глазом заявила Амалия.

– Вот и прекрасно, – одобрил Волинский. – А вы агента Пирогова узнаете без труда. Он мужчина привлекательный и без зазрения совести этим пользуется. Счастливого пути, мадам Дюпон.

Действительный тайный советник вернулся за свой стол и опустил в кресло. Амалия поднялась, присела в почтительном реверансе, поправила свою муфту и удалилась. Император Александр с портрета с тоскою глядел ей вслед.

Оставшись один, Волинский коротко и нетерпеливо звякнул в колокольчик. Тотчас рас-
творилась невидимая боковая дверь, и в проеме возник высокий немолодой слуга в ливрее.

– Опять подслушивал? – недовольно бросил советник.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство.

– Голова совсем седая, Ларион, мог бы и не врать, стыдно... Чаю неси.

– Это что же такое делается! – ворчал сановник пять минут спустя, переливая чай из чашки в себя. – Ты видел, кого мне присылают?

– Видел-с.

– Невероятно! Они думают, секретная служба – это шутки шутить. Скоро институток посылать начнут.

– Да, ваше...

– Гимназисток со школьной скамьи прямиком. А?

– Я ничего, ваше...

– Хотя, конечно, барышня приятная. Но в нашем деле совершенно без надобности.

– Это ваше высокопревосходительство точно изволили заметить.

– Я ее к Пирогову приписал, – сказал сановник. Левый глаз его дернулся – вероятно, Волинский полагал, что таким образом подмигивает.

– Как можно, ваше высокопревосходительство? – вскинулся Ларион. – Такая деликатная барышня... Это же ведь скандал до небес поднимется! Пирогов-то по женской части...

– А мне-то что? Я за чужие шашни не в ответе. Я вообще тут ни при чем, запомни, Ларион. А вот нечего посылать ко мне кого ни попадя!

Надвигался вечер. Золотой шпиль Адмиралтейства таял в сумерках.

* * *

Из дневника Амалии Тамариной.

«6 ноября. До сих пор не могу поверить, что я на службе. Видела В. – своего нового начальника. Несмотря на ордена, впечатление неважное. Говорили о Леонардо. Онорато Висконти, оказывается, мошенник. Кто бы мог подумать. Я его хорошо помню, мы с отцом встречали его в Риме в прошлом году. Веселый, любезный, занимательный человек. Уже тогда было

известно, что у него денежные затруднения, но, несмотря на это, он всегда отказывался продавать немногие картины, доставшиеся ему по наследству. О «Леде» я никогда от него не слышала, ни единого намека. То, что он проходимец, в некоторой степени оказалось для меня неприятным сюрпризом. На какие ужасные вещи толкает людей нужда! Собираю вещи: завтра еду в Париж».

Глава вторая, в которой слуга агента Пирогова видит звезды среди бела дня, а также происходит кое-что похуже

Пыхтя, шипя и плюясь паром, локомотив подкатил к платформе парижского Gare de Nord, Северного вокзала, и замер, содрогнувшись всеми вагонами. Засуетились кондукторы, оживились носильщики. Перрон наполнился прибывшими пассажирами: мужчинами в добротных костюмах, с цилиндрами и тростями, женщинами в платьях с пышными турнюрами, которые только начали входить в моду. Некоторые, впрочем, как блондинка с тринадцатого места в первом классе, предпочитали простой английский стиль – приталенное платье, подчеркивающее силуэт, с минимумом оборок. Пассажирка с тринадцатого места еще стояла на площадке вагона, внимательно оглядывая встречающих, когда к ней приблизился молодой, ладно скроенный человек лет тридцати, светловолосый, светлоглазый, с крепкой квадратной челюстью, и подал руку, помогая сойти.

– Значит, это вы – тринадцатое место?

Амалия улыбнулась. Волынский не солгал: ее напарник и в самом деле был весьма привлекателен.

– Именно. А вы...

– Эрве Дюпон, – предостерегающе сказал встречающий. – И, ради бога, никакой русской речи, хорошо? Говорим только по-французски... дорогая женоушка. Где ваш багаж?

Он подозвал носильщика и кивнул на восемь разнокалиберных чемоданов. Амалию и ее спутника ждал фиакр. Кучер дул на пальцы, пытаясь согреть их.

– Мне еще надо заехать в посольство, – напомнила Амалия.

Пирогов скривился.

– Ох уж это посольство! Но я понимаю: таковы порядки нашего добрейшего Волынского. Вам известно о том, чем мы будем заниматься?

– В общих чертах. Кстати, вам удалось узнать, на каком корабле намеревается уплыть Висконти?

Пирогов хищно осклабился.

– За кого вы меня принимаете? Разумеется, я все уже выяснил! – И он доверительно наклонился к Амалии: – Корабль называется «Дельфин», отходит из Гавра завтра утром. Пункт назначения – Рио-де-Жанейро.

– Бразилия? – ахнула Амалия.

Пирогов кивнул.

– Так что вы прибыли как раз вовремя, дорогая женоушка. Задержись вы на несколько часов, мне бы пришлось отправляться в Гавр одному.

– Я бы этого не пережила, – серьезно сказала Амалия, кладя тонкую ручку в перчатке на рукав фиктивного супруга. – Значит, можно считать, что Висконти уже пойман?

– Пойман? Ха! – фыркнул Пирогов. – Вы забываете о том, какой это хитрый мерзавец. Ведь он вполне мог купить билет для отвода глаз. Мы уплывем на «Дельфине», а синьор тем временем преспокойно сядет на другой корабль, отправляющийся... ну, скажем, в Кейптаун. Так что нам придется держать ухо востро!

– Я поняла, – отозвалась Амалия. – Этот Висконти, конечно, негодяй, но мы с ним справимся. Как в русской пословице: на хитрую кошку всегда найдется хитрая мышка. Знаете? – И она очаровательно улыбнулась.

– А вы занятнее, чем я думал, – проворчал Пирогов, невольно поддавшись обаянию прелестной девушки с глазами цвета искристого шампанского. – У вас очень приятный французский, Амалия. Долго жили за границей?

– Нет, у меня была хорошая гувернантка.

– Но вы ведь бывали прежде во Франции?

– Несколько раз.

Пирогов взглянул на жилетные часы и нахмурился.

– Времени в обрез... Я взял билеты на поезд до Гавра. Мы должны быть на вокзале до семи часов. Пароход отплывает завтра в девять утра. Почему Волынский не мог отправить вас на день раньше? Тогда бы я не чувствовал себя, как уж на горячей сковородке.

– У его высокопревосходительства не было возможности это сделать, – сдержанно сказала Амалия.

– Ну ладно. – Пирогов вздохнул и откинулся на спинку сиденья, изучая ее. – Вы ведь в нашем деле новичок, так? Могу поспорить на что угодно: он прислал вас следить за мной.

– Надо же с чего-то начинать, – отозвалась Амалия, пожимая плечами. – Он боится, что во время плавания вас могут ненароком столкнуть в море. Он бы этого не пережил, вы ведь знаете, как он дорожит вами.

Пирогов поежился. Чувствовалось, что мысль о возможном купании не пришлась ему по вкусу.

– Не шутите так, прошу вас... Вот и посольство. Я подожду вас здесь, а вы постарайтесь побыстрее вернуться.

– Хорошо, – покорно согласилась Амалия и выскользнула из фиакра.

Пошел мелкий снег, но быстро прекратился. Амалия обменяла паспорт, расписалась в бумагах, получила подробные инструкции и, как ей было велено, покинула здание через черный ход. Фиакр с Пироговым по-прежнему ждал ее. Агент галантно подал ей руку, помогая забраться в экипаж.

– В какой гостинице вы остановились? – спросила Амалия.

– В «Атенею» на улице Скриба, около Оперы.

– Я знаю, где это. Номер?

– Тридцать один.

– Тринадцать наоборот, – задумчиво сказала Амалия. – Надо же, как интересно все складывается. – Она вздохнула. – Кстати, надеюсь, мы плывем на корабле первым классом?

– Первым, не беспокойтесь.

– О боже! – воскликнула Амалия. – А я захватила с собой только две шляпки.

На широком скуластом лице Пирогова изобразилось искреннее недоумение.

– И что с того? – нервно спросил он.

– Как это – что! – возмутилась Амалия. – Дама, которая едет в первом классе, не может иметь при себе только две шляпки, она должна быть соответствующим образом одета. Пожалуйста, мне придется заехать в магазин. – Она покосилась на Пирогова и нежно взяла его под руку. – После того, разумеется, как мы с вами выпьем чашечку кофе в гостинице. Я ужасно озябла!

Пирогов улыбнулся.

– Боюсь, что Волынский не одобрит вашей расточительности, – заметил он. – Скупость нашего казначейства давно вошла в поговорку.

– Очень жаль! – искренне вздохнула Амалия.

Фиакр подъехал к «Атенею», и чета Дюпон, расточая улыбки налево и направо, поднялась в номер. Амалия ушла в будуар – как она сказала, поправить прическу, а Пирогов послал слугу за кофе для дамы. Вскоре тот вернулся, неся на серебряном подносе две дымящиеся чашки.

– Честно говоря, – сказал Пирогов, когда Амалия вошла в гостиную, – я очень рад, что мне выпала честь работать с вами.

– Я тоже, дорогой муженек, – многозначительно ответила девушка, глядя ему в глаза.

Их разделял только стол. Но вот Амалия отвела свой взор. Пирогов смешался и кашлянул.

– Однако что же это мы... Совсем забыли о кофе!

– В самом деле, – подтвердила Амалия, делая из чашки большой глоток. – Кофе просто замечательный! – Она улыбнулась. – Значит, мы отплываем завтра на «Дельфине»?

– Именно так, – подтвердил ее напарник (он же по совместительству и фиктивный супруг).

Амалия улыбнулась еще шире и приподняла чашку. В глазах девушки мерцали золотые искорки.

– За то, чтобы наше путешествие было удачным, – с придыханием прошептала она.

Но собеседник отреагировал на ее слова как-то странно. Он озадаченно уставился на Амалию, пробормотал нечто невразумительное и, покачнувшись, свалился на пол.

– Бедняжка, – укоризненно вздохнула Амалия.

Бросив быстрый взгляд на дверь, девушка вскочила с места и подбежала к горящему камину. Взвесив на руке каминную кочергу, она с сожалением покачала головой и взялась за подсвечник, стоящий на пианино. Очевидно, он показался Амалии куда более подходящим для ее целей, потому что она удовлетворенно кивнула головой и на цыпочках подбежала к двери, которая начала поворачиваться на петлях. На пороге возник слуга – тот самый, что давеча принес супругам Дюпон замечательный кофе.

– Господин! – тихо сказал он. – Господин!

В следующее мгновение слуга увидел великое множество звезд, танцующих вокруг себя, и отключился.

– Надеюсь, я вас не убила? – участливо осведомилась Амалия, поудобнее перехватывая тяжелый подсвечник. Но слуга, ясное дело, ничего не мог ответить.

Амалия, подбежала к входной двери и заперла ее на два оборота. После чего взяла слугу за ноги и поволокла его в будуар. Волосы девушки растрепались, непокорный светлый локон так и норовил угодить в левый глаз, но все же Амалия сумела перетащить слугу в спальню. Она сняла с портьер витые шнуры с золочеными кистями и, крепко-накрепко связав несчастного и заткнув ему рот гостиничной салфеткой, оставила лежать на ковре возле кровати. Совершив все эти предосудительные, с точки зрения закона, деяния, Амалия вернулась в гостиную, где ее ждала основная работа.

– Ай-яй-яй, – сказала она, увидев, что агент Пирогов приподнялся на полу и ошалело крутит головой. – Лежите тихо, сударь!

Просьба сопровождалась несильным ударом все тем же подсвечником, но его, однако же, оказалось вполне достаточно, чтобы агент Пирогов снова свалился в беспамятство.

* * *

Когда Аркадий вторично пришел в себя, голова у него раскалывалась, как с похмелья, а во рту стоял какой-то горький привкус. Агент Пирогов попробовал пошевелиться и, так как ему это не удалось, понял, что связан.

Скосив глаза, он попытался определить, не удастся ли ему сбросить веревки. Увы, его худшие опасения подтвердились: мало того, что его опутали по рукам и ногам, как полено, негодяй, напавший на него, озабочился привязать его к стулу, что сделало возможность самостоятельного освобождения весьма проблематичной. Но, так как храброму агенту Пирогову

доводилось выбираться и не из таких передрыг, он решил запастись терпением и стал оглядывать свою темницу.

Мебель в стиле рококо была обита зеленым шелком в мелкую желтую полоску, точь-в-точь как в его комнате. На окнах висели гардины в тон, и, поразмыслив, он решил, что по-прежнему находится в своем номере в гостинице «Атений». Это его немного успокоило.

Тут взгляд агента Пирогова упал на особу, которая удобно расположилась на оттоманке наискось от него, и он вытаращил глаза. Светлая блондинка с карими глазами, опершись локтем о изголовье и покачивая носком туфельки, преспокойно читала «Revue historique» – «Историческое обозрение». Возле нее в ряд стояли пять его чемоданов, причем их содержимое валялось на полу в полном беспорядке. Собственный багаж Амалии Тамариной – простите, мадам Амели Дюпон – был тут же, в несравненно лучшем состоянии.

Агент Пирогов попытался привлечь к себе внимание и обнаружил, что не может издать ни звука. Во рту у него был кляп. В негодовании агент Пирогов прохрипел нечто нечленораздельное.

Амалия подняла голову. В глазах ее сверкнули и погасли золотистые искры.

– А, вы уже пришли в себя! Прекрасно.

Она положила «Ревю историк», поднялась с места и подошла к Пирогову. Но, когда она вытащила кляп из его рта, из последнего посыпался такой град ругательств, что она тотчас же вернула кляп на место.

– Нет, нет, – сказала Амалия совершенно спокойно, как будто ей каждый день приходилось оглушать и связывать здоровенных мужчин, – так дело не пойдет. Или вы будете вести себя прилично, или мне придется принять меры.

Пирогов, бешено вращая глазами, судорожно задергался, и во взоре его легко можно было прочесть все то, что он не мог высказать. Амалия кротко пожалала плечами, вернулась на оттоманку и снова углубилась в чтение.

– Ну, – спросила она через некоторое время, – так вы готовы поговорить спокойно или нет?

Она извлекла кляп изо рта Пирогова, который некоторое время молчал, стараясь отдышаться, после чего обрушил на нее поток энергичных выражений, в котором слово Teufel⁷ повторялось 24 раза, Gott⁸ – семнадцать раз, а слова, не включенные в словари, – и того чаще.

– Человек, испытывающий сильное эмоциональное потрясение, как правило, возвращается к своему родному языку, – бесстрастно заметила Амалия. – Иными словами, сударь, вы только что доказали, что я была совершенно права. Вы – не агент Пирогов.

Ее собеседник поперхнулся и в изумлении уставился на нее. Амалия только пожалала плечами.

– Так я и знал, – горько сказал «агент Пирогов», окончательно переходя на язык Шиллера и Гёте. – Мне никогда не везло с блондинками. – Он заворочался на месте, тщетно пытаясь ослабить путы. – Если вы думаете, что вам это сойдет с рук...

– Где агент Пирогов? – спросила Амалия просто.

Пленник тяжело засопел.

– Надеетесь его вызволить? Кто он вам – муж, любовник?

– Нет, – серьезно сказала Амалия, – муж он мне только по паспорту, и я даже не знаю, как он выглядит.

– Не знаете? – остолбенел пленник. – Черт подери... Тогда как же вы раскусили меня?

Амалия немного подумала.

⁷ Черт (нем.).

⁸ Бог (нем.).

– Я сопоставила факты, сударь. Уже когда вы отказались говорить по-русски, я начала подозревать неладное. Конечно, это могло быть лишь плодом моего воображения, но на всякий случай я расставила вам ловушку, и вы в нее попались.

– Ловушку? – подозрительно спросил ее собеседник. – Что еще за ловушка?

Амалия сладко прищурилась.

– Русская пословица. Помните? В нашем языке нет пословицы «На хитрую кошку всегда найдется хитрая мышка». Это французское выражение. А по-русски говорят: «Нашла коса на камень».

Пленник сдавленно застонал и яростно дернулся, но веревки выдержали.

– А потом вы подтвердили мои подозрения, отказавшись от визита в российское посольство, – добавила Амалия. – И я окончательно убедилась, что вы не тот, за кого себя выдаете. А то, что вы проделали с моим кофе... – Она пренебрежительно передернула плечами.

– Кофе? – оторопел пленник. – О, проклятье! Так вы... так вы догадались? И... и помешали местами чашки? Но когда же вы успели?

– Пока вы смотрели мне в глаза, – спокойно отозвалась Амалия.

Вспомнив, что совсем недавно он как зачарованный таращился на юную обольстительницу, пленник вышел из себя и снова разразился ругательствами.

– Может быть, хватит? – спросила Амалия, которую все это уже начало утомлять. – Кто вы такой, в конце концов?

– Я вам ничего не скажу, – сухо произнес ее собеседник. – Можете пытаться меня, если хотите, но от меня вы не добьетесь ни слова.

Амалия вздохнула.

– Хороший совет, но я еще никогда никого не пытала и боюсь по неловкости причинить вам боль.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – прохрипел пленник.

– Бедный Пирогов, – продолжала Амалия. – Держу пари, вы сыграли на его слабости к картам. Я нашла у вас две крапленые колоды в чемодане.

– Думайте что вам угодно. – Он поглядел на часы, показывавшие без пяти шесть. – Кстати, вы не боитесь опоздать на поезд, фройляйн? А то «Дельфин» уйдет без вас, а с ним – и Висконти вместе с «Ледой».

– Берлинец и, судя по всему, образованный... – заметила Амалия, словно не слушая его. – Когда не выражаетесь, как пьяный ямщик, конечно. У австрийцев более мягкое произношение. Значит, вы и ваш несговорчивый приятель – из германской разведки, потому что на англичанина вы вовсе не похожи.

– Мой приятель? – всполошился разоблаченный немец. – Что вы сделали с Гансом, черт побери?

– То же, что и с вами. – Амалия была любезна и лаконична, как надгробный памятник. – Правда, кофе он не пьет, так что мне пришлось его успокоить иначе.

– Мой бог! – застонал немец. – Так вы убили его?

– Зачем? – удивилась Амалия. – Просто с ним случилось досадное недоразумение. Он случайно ударился головой о канделябр, который я держала в руке.

– Ах, случайно! – вскипел германский агент. – Чем больше я гляжу на вас, тем больше мне хочется вас прикончить!

– Да? – отстраненно заметила Амалия. – Говорят, все супруги в конце концов приходят именно к такой мысли.

Агент побагровел.

– С каким бы удовольствием я придушил вас, – промолвил он с печалью. В глазах его появился кроважидный блеск. – Из-за вас мой повелитель не получит Леонардо!

– Пф... – фыркнула Амалия. – Зачем этой старой развалине Вильгельму Леонардо? А вот наша галерея очень от него выиграет. «Леда» будет великолепно смотреться рядом с «Мадонной».

– Да? – язвительно прохрипел немец. – И кто же, позвольте спросить, придет туда любоваться на них – толпы невежественных скифов?

– Полегче, сударь, полегче! – осадила его Амалия, которая на дух не выносила шовинизма, вне зависимости от того, какой народ подвергался уничижению. – Я же не обзываю вас напыщенным немецким чурбаном, хоть и имею на это право после того, как провела вас.

Германский агент поник головой и застонал. Он все еще тяжело переживал свое поражение.

– Бог мой, как шумит в голове! О-ох! Никогда не думал, что снотворное оказывает такое действие!

– Это не от снотворного, – заметила Амалия.

Немец подозрительно уставился на нее.

– А от чего же? – Он в волнении приподнялся. – Вы что, и меня тоже приложили этим... подсвечником?

– Угадали, – усмехнулась девушка. – Ему, кстати, повезло куда меньше, чем вам. У вас на редкость крепкая голова, один рожок канделябра даже погнулся. – И она кивнула на искривленный подсвечник, стоявший на пианино.

Новый весьма несдержанный ответ немца показал, что он не испытывает никакой симпатии к канделябрам, вне зависимости от того, сломаны ли они или находятся в полном порядке.

– Может быть, все-таки скажете, что вы сделали с Пироговым? – мягко попросила Амалия. – Зачем вообще вы заняли его место? Для чего все это?

– Раз уж вы были так со мной вежливы, – ехидно отозвался немец, – я, пожалуй, скажу вам. Агент Пирогов в настоящее время находится в частной клинике для душевнобольных, куда я его поместил, и у него нет ни малейшего шанса выбраться оттуда. Я распорядился, чтобы его держали день и ночь в смиренной рубашке, ибо мой брат – так я его назвал – подвержен приступам буйства.

– Брр! – Амалия поежилась. – И часто у вас, агентов, такое бывает?

– Случается, – скромно сказал немец. – Когда надо срочно избавиться от какого-нибудь проныры и помешать ему действовать, клиника для умалишенных – самое лучшее место. Кроме того, когда без вести пропадает агент, ваш посол прежде всего наводит справки в тюрьмах и моргах, а лечебницы хороши тем, что в них можно поместить человека под любым именем. И потом, обычно никому не приходит в голову там искать пропавшего.

Амалия тихо вздохнула.

– Да, тяжела работа тайного агента, – промолвила она.

– Только не надейтесь, что я скажу вам адрес клиники, – продолжал немец. – В моих интересах, чтобы этот негодяй остался там, куда я его упек. Он и так достаточно досадил мне. Если бы он не помешал мне месяц назад, я бы уже схватил Висконти и вытряс из него, что он сделал с картиной.

Агент яростно задергался на месте, пытаясь освободиться от пут. Амалия сочувственно наблюдала за его тщетными попытками.

– Я бы не советовала вам, – учтиво заметила она, – заниматься этим. После каждого вашего движения узлы только сильнее затягиваются.

Большие часы показывали десять минут седьмого.

– И что вы намерены делать теперь? – осведомился германский агент, видя, что Амалия сосредоточенно о чем-то размышляет.

– Я? – Амалия пожала плечами. – То же, что сделали бы и вы, будь на моем месте. Я оставляю вас с вашим сообщником здесь, отправлюсь на вокзал, приеду в Гавр и сяду на корабль. Дальше буду действовать по обстоятельствам. – Она поднялась с места.

– Надеюсь, вам понравится в Рио-де-Жанейро, – не удержался агент. – Передавайте от меня привет синьору Висконти, если вы его увидите.

Амалия улыбнулась.

– Никогда не была в Рио-де-Жанейро, – сказала она.

– Неужели? – поднял светлые брови немец. – Надо же, какая потеря!

– И вообще я направляюсь не туда, а в Нью-Йорк, – спокойно продолжала Амалия. – И корабль называется не «Дельфин», а «Мечта». Ну что, вы все еще настаиваете на том, чтобы передать синьору Висконти привет от вас?

Немец позеленел. Он судорожно попытался что-то выговорить, но язык не повиновался ему.

– Да, да, – опережая его вопрос, отозвалась Амалия. – Вы правы, я обыскала ваш багаж и не обнаружила в нем никаких билетов на «Дельфин», зато нашла два билета на «Мечту», на имя Эрве и Амели Дюпон. – Амалия торжествующе улыбнулась. – Именно из-за этих билетов вы и преследовали Пирогова. Вам позарез нужно было знать, куда направляется Висконти. Кстати, как следует из одного клочка бумаги, который вы почему-то бережно хранили при себе, Висконти будет в первом классе под фамилией Лагранж. Как видно, агент Пирогов и впрямь хорошо знает свое дело, так что, если бы не карты, никогда бы вам не удалось его обставить.

– Ах, так! – выкрикнул немец, когда обрел дар речи. – Кстати, вам не видать Нью-Йорка, слышите? – Его глаза горели, ноздри раздувались. – Потому что я солгал! Поезд в Гавр отправляется не в семь часов, как я сказал, а в шесть. И «Мечта» отходит в семь утра, а не в девять. Вы опоздали!

– Фи, как грубо, – сказала Амалия со скучающей гримаской. – Вы и впрямь созданы для роли мужа, как я погляжу. Неужели так трудно держать себя в руках?

– Ну ничего, – просипел немец, тяжело дыша. – Все равно когда-нибудь вы мне попадетесь, и я с лихвой рассчитаюсь с вами. Никто еще не смеялся надо мной безнаказанно!

– Неужели? – уронила Амалия. – Поверьте, мой безымянный друг, мне это совершенно безразлично.

Она улыбнулась, забрала журнал и положила его в свой чемодан. Взяла паспорт на имя Эрве Дюпона, бегло просмотрела его и неторопливо разорвала в мельчайшие клочки. Потом точно таким же образом поступила с паспортом, выданным на имя месье Кюри из Нормандии. Немец наблюдал за ее действиями со все возрастающим беспокойством. Не ограничившись уничтожением документов, Амалия вытащила из чемодана агента билет на имя Эрве Дюпона и несколькими движениями своих изящных белых ручек привела его в полнейшую негодность. Немец неодобрительно поджал губы. Он попытался было сопротивляться, когда Амалия подошла к нему, собираясь заткнуть кляпом рот, но это ни к чему не привело: кляп все равно был водворен на место, и Амалия по-сестрински заботливо стряхнула с лацкана немца ниточку, которой совершенно нечего было там делать.

– Как говорят у нас в России, не поминайте лихом, сударь, – произнесла девушка с обворожительной улыбкой.

Немец побагровел, став похожим на свежеччищенную свеклу. Полными ненависти глазами он следил за ней. Амалия достала из ридикюльчика маленькие изящные часики, взглянула на них, приблизилась к большим часам, показывавшим двадцать минут седьмого, и спокойно переставила стрелки на час назад. Ей послышался хрип, в котором явно звучало негодование, но она не обернулась.

– Что я особенно ценю в немцах, – сказала Амалия мягко, задерживая шторы, – так это их пунктуальность. – Хрип сделался еще громче. – Просто поразительно, как доверчивы неко-

торые люди! Что, по-вашему, я делала в то время, пока вы спали беспробудным сном? Естественно, сначала обыскала ваш багаж, а затем вызвала портье и на всякий случай уточнила у него, когда отходит ближайший поезд до Гавра.

Амалия сунула свой билет в ридикюльчик, послала связанному пленнику воздушный поцелуй и по одному перетасила свои чемоданы к входной двери, после чего дернула за сонетку, вызывая слугу.

– Спи спокойно, мой безымянный друг, – сказала она немцу на прощание. – Я уже сообщила прислуге, что вы передумали уезжать, что вы адски устали и хотите вздремнуть, а значит, самое меньшее до утра вас никто не побеспокоит.

Хрип разом оборвался, словно пленник понял всю безнадежность своей борьбы и отказался от нее. Амалия надела пальто, поправила перед зеркалом шляпку и, не думая больше о германском агенте, которого она обвела вокруг пальца, отворила дверь. Слуга уже ждал ее.

– Несите мои чемоданы вниз, – распорядилась Амалия. – И вызовите мне фиакр.

Сев в экипаж, она спрятала руки в муфточку и удовлетворенно улыбнулась. Пока все шло как по маслу.

– На вокзал! – сказала она кучеру. – Я тороплюсь на гаврский поезд.

Кучер понимающе кивнул и хлестнул лошадей.

* * *

Из дневника Амалии Тамариной.

«9 ноября по русскому стилю – 21 ноября по европейскому стилю. Париж восхитителен, как всегда. Видела Пирогова. У нас возникли небольшие разногласия, и я решила, что мне лучше ехать одной. У Пирогова не было другого выхода, кроме как согласиться. Пишу в поезде, увозящем меня в Гавр. За окнами видна река. Только что миновали мост. Путешествие проходит прекрасно».

Глава третья, в которой завязываются новые знакомства

Пароход дал гудок, и чайки, сидевшие на гаврской набережной, с пронзительными криками взмыли ввысь, заметались над водой. Амалия, устроившаяся на палубе в шезлонге, достала часы и посмотрела на них.

«Ровно семь», – констатировала она.

Убрали сходни, подняли якорь, и «Мечта» стала медленно отходить от берега. Амалия вздохнула. Гавр нежно таял в голубой дымке, а вскоре и вовсе скрылся из глаз. Впереди лежали почти шесть тысяч верст путешествия через Атлантический океан и десять совершенно бесполезных дней, которые Амалия проведет в обществе своих попутчиков. Беспольных, ибо она уже успела убедиться, что Онорато Висконти на борту нет. Во всяком случае, в первом классе.

А вообще общество собралось самое изысканное и подчас неожиданное, способное, впрочем, удовлетворить любые вкусы. Здесь был некий английский маркиз, которого угораздило жениться на актрисе, и жизнерадостный молодой американец, возвращавшийся из Европы, которую он, похоже, посетил только для того, чтобы сделать вывод: Америка несравненно лучше. Присутствовали знаменитая оперная певица сеньора Кристоаль со своим врачом и аккомпаниатором, которыми она помыкала, а также с немолодой компаньонкой, которая верховодила ею самой, как неразумным ребенком, и настоящий американский миллионер мистер Дайкори, владеющий заводами, рудниками и всякой всячиной в том же духе, но не владеющий собственными ногами – он передвигался в кресле-каталке, которое возил молодой немногословный человек со стальными глазами. Был здесь и художник, удачно женившийся в свое время на дочери бельгийского богача, с двумя очаровательными детьми; супружеская пара из Эльзаса – страстные путешественники, объездившие полсвета; старая усохшая австралийка миссис Рейнольдс с дочерью, весьма упитанной румяной девушкой, которая сообщила Амалии, что они едут навестить ее дядю. По соседству с Амалией расположилась семья Эрмелин: мать, высокомерная и чрезвычайно уверенная в себе особа, в чьих ушах покачивались длинные бриллиантовые серьги, ее старший сын Кристиан с женой Органс, дочь Эжени с мужем Феликсом Армантелем, и младший сын Гюстав, еще неженатый. Вместе с ними ехала и племянница мадам Эрмелин Луиза Сампьер, хорошенькая рыжеватая девушка с мечтательными глазами, к которой ее кузен Гюстав явно был равнодушен. Амалия краем уха слышала, что Эрмелины – очень богатая семья, и, судя по тому, какое количество людей их сопровождало, они и впрямь не бедствовали. Помимо прислуги, при мадам Эрмелин постоянно находились адвокат, управляющий Коломбье, сестра управляющего (бесцветная особа с серыми волосами и такими же глазами), а также агент страховой компании, уполномоченный следить за тем, чтобы драгоценности, которыми блистали мадам и в значительно меньшей степени ее дочь и невестка, невзначай куда-нибудь не запропалились, ибо страховые компании имеют привычку ужасно переживать из-за мелких неприятностей такого рода. Прочие пассажиры были довольно заурядными: двое застенчивых молодых людей из Вены, поженившихся месяц тому назад, какой-то французский дипломат, вызванный срочно заменить своего коллегу в Вашингтоне, торговец чаем из Голландии с женой и тремя детьми... Ни один человек среди них даже отдаленно не напоминал Онорато Висконти. Четыре каюты первого класса пустовали: одна, записанная на Эрве Дюпона, которую должен был занимать загремевший в *asile d'aliénés*⁹ агент Пирогов, другая напротив каюты Амалии, отведенная некоему месье Лагранжу, и две каюты четы Мерсье, negociантов из Марселя, не поспевших на пароход. Все эти подробности Амалия

⁹ Клиника для душевнобольных (фр.).

выудила из второго помощника капитана, пустив в ход одну только ослепительную улыбку. Чтобы объяснить отсутствие супруга, нашей героине пришлось срочно заставить его заболеть тяжелой болезнью, «от которой он может и не оправиться». Надо сказать, что при этом сообщении в глазах помощника мелькнул огонек понимания, который деликатная Амалия предпочла отнести за счет его воспитанности. Так как беглый синьор Онорато Висконти путешествовал под фамилией Лагранж, Амалия, вторично пустив в ход улыбку и как бы невзначай коснувшись рукава второго помощника, узнала у него, что багаж негоциантов на борт прибыл, но никаких вещей, принадлежащих господину из каюты напротив, на корабль не поднимали. Итак, поиски зашли в тупик. Благородный итальянец просто-напросто бессовестно надул разведки четырех стран, пустив их по ложному следу, а сам (Амалия была убеждена в этом) преспокойненько сбежал куда-нибудь на Капри или Майорку, малолюдные, прелестные острова Средиземноморья, где можно жить годами, и никто не поинтересуется, кто ты и что тут делаешь. Во всяком случае, будь Амалия на его месте, она бы именно так и поступила.

«Впрочем, нет, – тут же спохватилась она. – Я бы не стала обманывать людей только ради того, чтобы нажить себе врагов. Будь у меня эта замечательная «Леда», я бы избавилась от нее, продав за хорошие деньги, и зажила бы в свое удовольствие. К чему усложнять себе жизнь?»

– Прекрасная погода, правда? – произнес чей-то протяжный голос над ухом у Амалии.

Она с некоторым неудовольствием обернулась и увидела молодого человека с длинным лошадиным лицом и открытой улыбкой. Это был Роберт П. Ричардсон, тот самый американец, что совершал познавательный тур по Старому Свету и теперь, переполненный впечатлениями, возвращался к себе в Новый, где его ждало собственное ранчо. Что такое ранчо, Амалия понятия не имела, но предполагала, что это не жена и не невеста, а что-то вроде большого доходного дома, приносящего твердый доход хозяину.

– Я бы не сказала, – сдержанно отозвалась она на замечание Ричардсона о погоде и поглубже упрятала руки в муфту. Два человека в ее семье, отец и брат, умерли от туберкулеза, и оттого она не слишком жаловала осень и зимнее время года.

– О! – счел нужным зачем-то глубокомысленно воскликнуть мистер Ричардсон.

Амалия уставилась на серое унылое море, сделав вид, что не замечает присутствия американца. Она знала, что поступает в высшей степени невежливо, но ее все еще разбирала досада на себя. Как тонко она раскусила германского агента, как ловко убрала его и его приспешника с дороги, а все оказалось совершенно зря. Висконти-Лагранжа на «Мечте» нет и в помине, а значит, «Леды» тоже, и где их искать – совершенно непонятно. Амалия получила десятки самых разнообразных инструкций на все случаи жизни, но ни одна из них не предусматривала, что она лишится своего напарника и ей придется действовать на свой страх и риск. Но, в самом деле, что же ей делать?

После Гавра корабль останавливается в Шербуре, и она спокойно может там сойти на берег...

«Минуточку, – одернула себя Амалия, – а что, если Висконти предусмотрел именно такой вариант развития событий и только этого и дожидается? Что, если я покину судно в Шербуре, а он там же поднимется на борт? Хорошо же я буду тогда выглядеть, упустив его! Нет, – решила Амалия, – сходить на берег мне нельзя. В крайнем случае... в крайнем случае прокачусь до Нью-Йорка и обратно. Все путешествие займет меньше месяца, так что не о чем и говорить».

Досадно, конечно, что она оказалась совершенно одна и ей не с кем даже посоветоваться. Будь здесь проштрафившийся Пирогов, хоть было бы с кем перекинуться словом. А так – ничего не остается, кроме как ждать. Ждать и наблюдать, может быть, ей и повезет.

Амалия бросила взгляд на американца, который все еще стоял возле нее. Тот из всех сил пытался изображать из себя внимательного кавалера, и это ее раздражало. Куда охотнее она бы осталась наедине со своими мыслями.

– Жаль, что вам так не повезло с вашим мужем, – бесцеремонно продолжал меж тем мистер Ричардсон.

Амалия от изумления чуть не вывалилась из шезлонга. Нет, эти американцы просто поразительно бесхитростный народ!

– Сударь, – сквозь зубы процедила она, – ваши бестактные замечания я настоятельно прошу оставить при себе!

Американец изменился в лице, залопотал что-то невнятное, забормотал извинения и наконец с позором ретировался в свою каюту. С его уходом Амалия вздохнула свободнее.

– Ортега! – взвыл трубный голос неподалеку от нее, и величественная сеньора Кристоаль, оперная певица, выплыла на палубу, колыхая всеми своими необъятными телесами. – Ортега, бездельник! Ах... простите, сеньора, вы не видели моего врача?

Амалию так и подмывало сказать: «Видела, он только что бросился в море», но она лишь сделала серьезное лицо и покачала головой.

– Если вы увидите этого бездельника, будьте так добры, пришлите его ко мне, – попросила сеньора Кристоаль. – Я охрипла! Мое верхнее си пропало! Вы были на моем выступлении в парижской Опере?

Опера всегда наводила на Амалию смертельную тоску, но тем не менее она горячо завила сеньору Кристоаль, что да, была. Сеньора Кристоаль оживилась и начала ругательски ругать дирижера, режиссера постановки и художника, сделавших все, чтобы представить ее талант в самом невыгодном свете. Посреди ее пламенной обличительной речи на палубе появилось новое лицо. Это была донья Эстебания, компаньонка оперной примы.

– Опять торчите на сквозняке, – злобно сказала она своей госпоже. – Что, хотите умереть от воспаления легких, как молодая Монтеверде? А ну-ка, живо марш в каюту!

Глаза сеньоры Кристоаль сверкнули гневом, и Амалии на мгновение почудилось, что она вот-вот схватит сухонькую компаньонку за горло своими лапищами и будет сжимать их до полного и окончательного удушения последней. Но, к удивлению Амалии, сеньора Кристоаль как-то быстро сникла и неожиданно фальшиво просюсюкала:

– Воздух, милочка... Мне ведь необходимо время от времени проветриваться...

– Мне, кажется, лучше знать, что вам необходимо, а что нет, – прорычал Цербер и круто развернулся, готовясь уйти.

Сеньора Кристоаль поднялась с места и покорно поплелась за своей мучительницей.

«Ох уж мне эти творческие люди! – улыбнулась Амалия. – Только бы она не вздумала петь вечером в салоне, а то бежать решительно некуда. Кругом океан».

Девушка вздохнула. Это бесполезное путешествие положительно навевало на нее тоску, и она почти обрадовалась, когда второй помощник капитана, случайно оказавшийся поблизости, напомнил ей, что завтрак уже готов. Он осведомился, пассажирка желает принять его у себя или в общем салоне, но Амалия была не готова к новой встрече с темпераментной сеньорой Кристоаль и попросила доставить еду в свою каюту.

Кабюта номер семнадцать, которую занимала Амалия, была оформлена в стиле второй империи – столики с перламутровой инкрустацией, изящная мебель, обитая голубым шелком. Амалии скорее нравилось там, чем не нравилось, и все же она, не кривя душой, предпочла бы оказаться дома, где нет ни инкрустированных кокетливых столиков, ни этого хрупкого, утонченного убранства, ненавязчиво заявляющего о своей принадлежности к тому, что люди со снобистским складом ума обычно именуют роскошью. Позавтракав, Амалия вернулась на свой наблюдательный пункт.

Палуба вновь оживилась. Слуга со стальными глазами выкатил мистера Дайкори на прогулку. Миллионер был очень стар. Его морщинистые, со вздувшимися венами руки лежали на клетчатом пледе, закрывающем ноги. В профиль Дайкори смахивал на хищную птицу. Но на очень усталую хищную птицу, подумалось Амалии.

Когда кресло проезжало мимо Амалии, старик учтиво притронулся к шляпе и на неплохом французском сказал:

– Доброе утро, мадам Дюпон.

Она улыбнулась. «Мадам Дюпон»! Хорошо хоть, что по чистому совпадению ее по легенде зовут Амели, а то окрестили бы какой-нибудь Мари, Франсуазой или Анеттой, так немудрено было бы и запутаться.

– Доброе утро, месье.

С моря дул пронизывающий ветер. Дайкори важно кивнул ей, и слуга покати́л его дальше.

Показались и тотчас спрятались, как пугливые птицы, застенчивые молодожены из Вены. Амалия так и не успела толком разглядеть их и поэтому не решила для себя, являются ли они и в самом деле мужем и женой или же, прикрываясь этим, работают на соперничающую австрийскую разведку. Странно, с чего вдруг молодоженам вздумалось ехать в медовый месяц в Америку, до которой отнюдь не близко, когда в самой Европе столько прекрасных мест. Даже не странно, а очень и очень подозрительно!

– Но я говорю тебе... Ах, мадам Дюпон, вы здесь!

Амалия подняла глаза. Сверкающие серьги в ушах доходили почти до плеч, соболиная шуба – до пят. Мадам Эрмелин, разумеется. Позади нее переминался с ноги на ногу ее младший сын, молодой человек лет двадцати, неловкий и некрасивый блондин с близорукими прозрачными глазами. Он выглядел так, словно его недавно сильно напугали и он до сих пор не сумел оправиться от пережитого страха. Блеклые волосы его были расчесаны на идеально прямой пробор, сюртук сидел на нем безукоризненно, но, несмотря на это, молодой человек почему-то казался жалким и забитым. Наверняка из-за присутствия матери, решила Амалия. Она уже успела заметить, что в обществе кузины Луизы Гюстав выглядел совершенно иначе.

Мадам Эрмелин села рядом с Амалией.

– Нет, Гюстав, и не перечь мне, прошу тебя. Твои лошади и так слишком дорого мне обходятся, пора с этим покончить.

– Но ведь вы обещали мне...

– Нам нечего обсуждать!

Гюстав поглядел на мать с неприязнью, потом, как всегда, смирился и побрел в свою каюту.

– Дети... – произнесла мадам Эрмелин снисходительно, улыбнулась, не разжимая губ, и слегка взбила мех на воротнике шубки. – Все-то у них проблемы, все им не так. Не представляю, что бы они делали без меня. Гюстав бы точно пропал – он ничем, кроме лошадей, не интересуется.

– Мадам Эрмелин? – Возле них возник шатен лет тридцати пяти, с умным решительным лицом и резко очерченной линией рта. – Все в порядке, я надеюсь?

– Это агент страхового общества, – пояснила мадам Эрмелин со смешком. – Боятся, как бы наши украшения не пропали. Что ж, я его вполне понимаю.

Она со значением поглядела на Амалию, на которой не было ни единой безделушки, и наша героиня почувствовала, что в глазах мадам Эрмелин она существо низшего порядка. Подумать только, ехать в первом классе – и не иметь при себе ни бриллиантов, ни агента, ни даже собственной горничной! Впрочем, на корабле для подобных случаев имелась своя прислуга, но дело было не в том. Амалия никому не позволяла унижать себя.

– Мой покойный отец всегда говорил, что лучшее украшение – это молодость, – бесстрастно заметила мадам Дюпон, с нескрываемой насмешкой глядя на собеседницу. Мадам Эрмелин ей не нравилась. Она вообще не переваривала женщин, которые полагают, будто мир должен вращаться исключительно вокруг них одних и их желаний.

Удар попал в цель. Брови мадам Эрмелин слегка дрогнули.

– Все в порядке, сударь, – отозвалась она, обращаясь к представителю страхового общества, застывшему в почтительном ожидании. А затем снова повернулась к Амалии: – Моя дорогая, молодость проходит, а украшения остаются. Разве не так? – Рот ее зло сжался, и дама неприязненно взглянула на собеседницу. – Вы тоже когда-нибудь поймете это.

«Бедняжка, – подумала Амалия. – До чего же глупа, хоть и считает себя умнее всех».

– Едете в Америку за новым мужем? – осведомилась мадам Эрмелин беспечно.

Амалия улыбнулась, глаза ее сверкнули золотом. «Старуха определенно решила взять реванш, – мелькнула у нее мысль. – Ну, мы не доставим ей такой радости».

– Для этого сначала надо овдоветь, – сказала девушка ласково. – Может, поделитесь опытом, мадам? Мне кажется, он у вас имеется.

Мадам Эрмелин вспыхнула и отвернулась. Гордость не позволяла ей покидать поле боя первой, но через некоторое время, убедившись, что Амалия не проявляет никаких признаков раскаяния, она встала и удалилась. Серьги в ее ушах возмущенно покачивались.

Амалия осталась на палубе. Она вытянулась в шезлонге и думала о том, что люди в массе своей ничтожны, мелочны и смешны и что все их попытки выглядеть иначе обречены на неудачу.

Она достала «Историческое обозрение», позаимствованное у германского агента, и стала перечитывать заинтересовавшую ее статью. Она называлась: «Магдалена Соболевская: история одной жизни». Магдалена Соболевская, которую в их семье почему-то всегда называли Мадленкой, числилась среди предков Амалии, и сейчас, четыре с лишним века спустя, кто-то заинтересовался ее жизнью настолько, что провел кропотливые изыскания, попавшие на страницы всеми уважаемого европейского исторического журнала.

Когда Амалия на миг оторвалась от чтения, она увидела у ограждения палубы Кристиана Эрмелина и его жену Органс. Женщина в чем-то горячо убеждала супруга, он слушал с рассеянным видом. Кристиану было уже под сорок, и на макушке у него мало-помалу проступала лысина. Его жена, как отметила про себя Амалия, лет на десять моложе него, и по его взгляду девушка заключила, что он до сих пор влюблен в Органс. Через минуту на палубу поднялся управляющий Эрмелинов, Проспер Коломбье. Органс, заметив его, отвернулась, Кристиан же слегка поморщился. Коломбье поглядел на них с нескрываемой насмешкой и прошел мимо, заложив руки за спину.

«Однако в воздухе витает какое-то напряжение... – подумалось Амалии. – Или мне так только кажется, потому что я сама напряжена? Но в этой семье определенно что-то неладно».

На палубе показался Леон Шенье, аккомпаниатор сеньоры Кристобаль. Это был щуплый долговязый юноша с длинными тонкими пальцами. Он остановился у поручней, глядя на море, которое расстилалось перед кораблем.

– Правда, красиво? – в восторге заметил он Амалии. – Какой простор!

Амалия поглядела на свинцовые волны и поморщилась.

Миллионера Дайкори увезли в его каюту, а к Амалии подседа почтенная австралийка, миссис Рейнольдс. Сначала она похвалила наряд Амалии, потом пожелала знать, что читает мадам Дюпон, после чего последовал подробный рассказ о самой миссис Рейнольдс и ее ненаглядной Мэри. Амалия вежливо слушала, не перебивая, как миссис Рейнольдс рассказывает ей о Мельбурне, ужасно жарком городе Нового Южного Уэльса, откуда они с дочерью недавно уехали. В свое время у миссис Рейнольдс была большая семья, но всех ее родных раскидало по свету. Что же до самой миссис Рейнольдс, то она была гадалкой и могла предсказать будущее хоть по линиям руки, хоть по картам, хоть по кофейной гуще. Также она интересовалась спиритизмом и, судя по ее словам, весьма поднаторела в вызывании духов. Миссис Рейнольдс предложила Амалии погадать, но «мадам Дюпон» вежливо отказалась. Австралийка не стала настаивать и тотчас переключилась на аккомпаниатора, убеждая его принять участие в спиритическом сеансе, а Амалия вновь углубилась в чтение.

Пароход коротко прогудел. Амалия опустила журнал и увидела, что они входят в гавань. Второй помощник, Марешаль, задержавшись возле нее, объяснил:
– Шербур. Последняя остановка перед Нью-Йорком.
Амалия поблагодарила его кивком.

Глава четвертая, в которой появляется Рудольф фон Лихтенштейн и заключается перемирие

Положительно, ей было нечего здесь делать.

Какое-то время Амалия еще питала надежду, что неуловимый Лагранж-Висконти поднимется на борт в Шербуре, однако вскоре убедилась, что ее предположениям не суждено сбыться. Владелец «Леды» как в воду канул, и фантазия рисовала Амалии, как Висконти, похорошевший от денег и отрастивший для маскировки усики, сидит на озаренной полуденным солнцем террасе кафе, попивает прекрасное кьянти и довольно хохочет, вспоминая, как ловко он обвел вокруг пальца четыре могущественные державы. Смех у Онорато Висконти был раскатистый, добродушный, располагающий к себе. Но то, что он потешался и над ней (хотя бы только в ее воображении), было Амалии чрезвычайно не по вкусу.

«Допустим, немецкие агенты спугнули его, и тогда он купил билет на пароход, чтобы сбить со следа тех, кто будет его искать, и внушить им мысль, что он хочет покинуть Европу. Но откуда у него взялись документы на имя Лагранжа?»

Пароход глухо и протяжно взревел и через несколько минут стал отходить от Шербура. Амалия почувствовала, как ее охватывает хандра. Не очень-то разгуляешься на службе у Российской империи. И что она забыла в этом Новом Йорке? Глаза ее скользнули по строкам статьи, в которой говорилось о ее невесте какой по счету бабушке: «Ее долгая и полная интересных событий жизнь может служить укором для потомства...»

Вот уел, негодяй автор, так уел. Амалия опустила журнал – и встретила взглядом с... германским тайным агентом, который стоял буквально в трех шагах от нее.

Амалия распахнула в изумлении глаза, схватила «Ревю историк» и высоко подняла его, закрывая лицо, но было слишком поздно. Значит, настырному немцу каким-то образом удалось освободиться от пут и он успел на корабль в Шербуре, исполненный жажды мщения. Амалия быстро оглядела палубу. Вон маркиз со своей супругой-актрисой, которая выгуливает на поводке крошечную собачку с непередаваемо уродливой мордочкой, вон австралийка миссис Рейнольдс, вон Эжени, дочь мадам Эрмелин, со своим фатоватым мужем Феликсом Армантелем, вон французский дипломат, который беседует с господином из Эльзаса. В присутствии посторонних ей решительно нечего опасаться. Впрочем, даже если бы на сто миль вокруг никого не было, Амалия все равно сумела бы за себя постоять.

– Мерзавка! – прохрипел германский агент сквозь стиснутые зубы. Щеки его пылали.

Амалия моментально приняла решение, опустила ставший совершенно ненужным журнал и с невинным видом уставилась на немца.

– Простите, я вас знаю? – осведомилась она самым естественным тоном.

– Разумеется, клянусь тем канделябром, которым вы шарахнули меня по башке! – прорычал рассерженный агент. – Или подобные случаи с вами происходят так часто, что вы уже начисто забыли о последнем?

– Ах, это вы-ы, – протянула Амалия, от души забавляясь сложившейся ситуацией. Разумеется, какая-нибудь другая девушка прежде всего ударила бы в панику, но наша героиня не смогла удержаться от улыбки, настолько происходящее было комично. – Сами виноваты. Нечего было отправлять в психушку моего без пяти минут законного мужа. Я до ужаса привязана к своим избранникам. И вообще, это некрасиво – лишать даму супруга, с которым она даже не успела познакомиться.

– Она надо мной издевается! – шепотом вскричал агент, ибо поблизости возникла донья Эстебания. Он перевел дыхание и продолжал: – Ух, будь вы мужчиной...

– По счастью, я только слабая и беззащитная женщина, – проворковала Амалия, строя ему глазки. Агент сглотнул и побледнел как полотно. – Что же вы стоите на ветру, сударь? Присаживайтесь, прошу вас.

Немец с опаской поглядел на шезлонг, на который указывала Амалия, словно тот мог по мановению ее руки в любое мгновение превратиться в огнедышащего дракона и прервать карьеру германского агента навсегда.

– Вокруг столько людей, – добила колеблющегося немца Амалия, – вряд ли я смогу убить вас в их присутствии без неудобства для себя.

Германский агент застонал, поднес руку ко лбу и рухнул на шезлонг. Видно было, что силы его на исходе.

– Вы один? – поинтересовалась Амалия. В данный момент именно этот вопрос занимал ее больше всего.

– К сожалению, – проворчал немец, исподлобья поглядывая на нее. – Моему напарнику пришлось остаться в Париже. У него сотрясение мозга. И все, – вскипел он, – благодаря вам!

– А чего вы ожидали? – пожала плечами Амалия. – Вы же хотели отравить меня.

– Не отравить, а усыпить, – сварливо поправил ее немец. – После чего я перевез бы вас в клинику доктора Эскарго и поместил бы в соседнюю палату с моим сумасшедшим братом Николя.

– А-а, – протянула Амалия. – Значит, Николя – это Пирогов?

Немец злорадно хмыкнул и покосился на господина из Эльзаса, стоящего возле поручней.

– Теперь он будет находиться в клинике, пока вы не вернетесь из плавания, – съязвил германский агент. – Если, конечно, в пути с вами не произойдет ничего... экстраординарного.

– Фи, сударь, как вам не стыдно пугать даму, – укоризненно промолвила Амалия. – Лучше расскажите мне, как вы сумели освободиться. Я была уверена, что вам это никогда не удастся.

– Хм, – сказал немец, расплывшись в улыбке. – В следующий раз, фройляйн, когда будете связывать людей, привязывайте их не к стулу, а к кровати. Человек, привязанный к стулу, еще может кое-как двигаться.

– Ах, черт, – пробормотала расстроенная Амалия, – этого я не предусмотрела! И что же вы сделали?

– Поднял шум, – объяснил агент. – Просто опрокидывал все, что только можно, и наконец прибежали горничные. Они развязали меня, и я сразу же бросился к Гансу, но вы вывели беднягу из строя. Поняв, что до отплытия в Гавр мне не успеть, я взял у нашего посла его лучшую лошадь и проскакал верхом без передышки до Шербура. В городе лошадь пала. Но ничего, посол не обеднеет.

– Вы зря загнали благородное животное, – сказала Амалия. – Висконти на корабле нет.

– Уже знаю, – мрачно отозвался немец. – Мне отвели его каюту.

– Надо же, как вам повезло, – заметила девушка. – Но в каюте ничего нет, я осмотрела ее. Я, знаете ли, всегда интересуюсь обстановкой, и второй помощник Марешаль мне все показал. Если не верите, спросите у него.

– Уже спросил, за кого вы меня принимаете? – вскинулся немец. – Можно подумать, я истосковался по Нью-Йорку. Ха! Уверяю вас, дорогая фройляйн, если бы стоянка в Шербуре была хоть на десять минут длиннее, я бы тотчас сошел на берег. Одна мысль о том, что мне придется плыть на одном корабле с вами, для меня невыносима.

– Не переживайте так, сударь, – подбодрила его Амалия. – Может, мы еще не доберемся до Нью-Йорка и утонем на полпути – кто знает? Всегда надо надеяться на лучшее.

– Я прошу вас! – Немец посерел лицом. – У меня морская болезнь, я до жути боюсь воды, а тут еще вы издеваетесь надо мной!

– Простите великодушно, – тотчас извинилась Амалия. – Могу, если вас это утешит, пообещать вам больше не бить вас по голове и не связывать, тем более что к этому больше нет никаких причин.

– Я еще не сошел с ума, чтобы полагаться на ваши обещания, – с обидой в голосе отозвался германский агент. – Кроме того, вы стащили у меня вещь, которая мне дорога.

– Я? – непритворно удивилась его собеседница.

– Ну да, – сухо промолвил немец. – Верните мне «Ревю историк». Вам оно совершенно ни к чему, а у меня остался только один экземпляр.

– Видите ли, – сказала Амалия, – там есть статья о моих предках, и поэтому я никак не могу удовлетворить вашу просьбу. Считайте, что я захватила ваш журнал как военный трофей.

– О ее предках! – взревел немец так, что хрупкая донья Эстебания на другом конце палубы вздрогнула от неожиданности. – О каких таких предках, черт побери?

– О Мадленке Соболевской, – объяснила Амалия. – Правда, автор здорово напутал и вообще исказил некоторые факты, но это точно она.

Германский агент уставился на Амалию с плохо скрытым раздражением.

– О Мадленке? Вы что, шутите?

– Вовсе нет, – возразила Амалия. – Ее мужа звали Боэмунд фон Мейссен, хотя этот осел – я имею в виду автора статьи – совершенно о нем не упомянул. Мейссены были очень известным родом, но он пресекся в прошлом веке. Последняя представительница этого семейства, Амелия, стала моей прабабушкой, и, кстати, в честь ее меня и называли. – И Амалия мило улыбнулась.

– Постойте! – вскинулся немец. – Насчет Мейсенов вы, конечно, правы, но вы зря утверждаете, что Боэмунд был мужем Мадленки. Дело в том, что они никогда не были женаты. Да и не могли быть.

– Это почему же? – рассердилась Амалия.

– Потому что, – рявкнул немец, – он был, черт меня дери, крестоносец и рыцарь Тевтонского ордена. Он вообще не мог жениться.

– Да? – задумчиво изрекла Амалия. – Значит, он сложил с себя обеты.

– Чушь! – фыркнул германский агент. – Это было простое сожительство.

– Сударь, – сухо заговорила уже рассерженная Амалия, – вы что, подразумеваете, что моя почтенная пра-прапра... словом, отдаленная бабушка была бесчестной женщиной? Вы это имеете в виду?

– Я этого не говорил!

– Попрошу вас не чернить моих предков! – заявила Амалия запальчиво. – Предков, о которых вам, кстати, совершенно ничего не известно!

– Очень даже известно, – рассвирепел немец, – ведь это и мои предки тоже!

Амалия всегда гордилась тем, что никто и никогда не мог застать ее врасплох, но сейчас она смогла только промямлить:

– Да?

– Именно так, – ответил немец. – Кстати, моя фамилия фон Лихтенштейн. Вам она что-нибудь говорит?

Амалия мгновение поразмыслила.

– Ну да, одна из правнучек Мадленки вышла замуж за какого-то фон Лихтенштейна. Так вы что, и в самом деле потомок Мадленки?

– Так же, как и вы, – заметил ее собеседник.

Амалия открыла рот, но не смогла придумать ничего путного и поспешно закрыла его.

– Граф Рудольф фон Лихтенштейн, к вашим услугам, – церемонно представился наконец германский агент. – Да, если вам интересно: я и есть, как вы выразились, тот осел, который написал это небольшое исследование. Внизу под статьей вы найдете мое имя.

Дрожащими руками Амалия раскрыла журнал и убедилась, что ее спутник говорит правду.

– Ну надо же! – пробормотала она, все еще не веря своим глазам. – *C'est épatant!*¹⁰

– Я интересуюсь генеалогией, – говорил меж тем Рудольф, тревожно поглядывая на мерно перекачивающиеся волны за бортом, – и всегда рад поделиться своими знаниями с другими. А теперь признайтесь, фея летающего канделябра, что вы не имеете никакого отношения к моей досточтимой прабабушке фройляйн Sobolewska и что вы все это выдумали, чтобы вывести меня из себя.

– Нет, – честно призналась Амалия, глядя на него смеющимися глазами, – это все чистой-шей правда, дорогой кузен!

Германского агента аж передернуло от такой фамильярности.

– Неужели? – недоверчиво спросил он. – Что ж, проверим. Сколько у Мадленки было детей?

– Шесть, – не колеблясь, ответила Амалия. – Боэмунд-младший, Себастьян, дочь, о которой не сохранилось никаких сведений, младший сын Михал и еще двое детей, которые умерли в младенчестве.

Рудольф почесал висок.

– Ну ладно... А что вы скажете о муже Мадленки?

– О нем мало что известно, – отозвалась Амалия. – Есть сведения, что, когда он был маленьким мальчиком, его родителей убили у него на глазах. В их краях Мейссенов не слишком жаловали, – пояснила она. – Кажется, мать спасла Боэмунда, спрятав его под алтарем, но сама погибла. Потом он незаметно вылез из укрытия и пешком добрался до родича матери, Ульриха из Наумбурга, хотя тот жил очень далеко. Ульрих наказал убийц и воспитал его, но Боэмунд не захотел возвращаться в замок, где умертвили его близких, и вступил в Тевтонский орден.

– Однако ему все-таки пришлось вернуться, – проворчал Рудольф. – Когда в его жизни появилась эта женщина, ему пришлось делать выбор между ею и орденом. – Он чихнул. – Черт возьми, неужели эта палуба всегда так ходит ходуном?

– Разумеется, – подтвердила Амалия. – Мы же в открытом море.

Германский агент и любитель генеалогии тихо охнул и схватился за сердце.

– О чем мы говорили? Ах да, наши предки... Скажите, у вас что-нибудь сохранилось от них? Я понимаю, что прошло почти пятьсот лет, и все же...

Амалия покачала головой.

– Почти ничего, – с сожалением ответила она. – Только потускневшее серебряное зеркало. Да, и еще медальон с припаянной к нему золотой цепочкой.

– Медальон? – заинтересовался Рудольф. – Это любопытно. И что же в нем находится?

– Тонкостью работы он не отличается, это довольно простое украшение, – сказала Амалия. – На крышке буквы ММ – я думаю, это значит Мадленка фон Мейссен, а внутри крошечная прядь волос. Наверное, это волосы ребенка, потому что для взрослого они слишком светлые.

– Значит, ММ, да? – Рудольф потер кончик носа. – А вы в этом уверены?

– Абсолютно. Я сто раз, не меньше, держала его в руках.

Рудольф вздохнул.

– Значит, весьма возможно, что она все-таки была за ним замужем, – буркнул он. – Вот черт!

– А чем вас не устраивает Боэмунд? – удивилась Амалия. – Разве плохо, что они были женаты?

¹⁰ Это потрясающе! (фр.)

Рудольф мрачно поглядел на нее.

– По чести говоря, – в порыве откровенности заявил он, – я терпеть не могу этого типа.

Амалия слегка опешила, но все же спросила:

– А можно узнать причины вашей неприязни?

– Конечно, – легко согласился Рудольф. – Вам известно, что в польских хрониках Боэмунд упоминается не иначе, как с эпитетом Кровавый?

– Я об этом не знала, – пробормотала Амалия.

Рудольф многозначительно поднял палец:

– Я так и думал. А вы знаете, какое тогда было беспокойное время? Чтобы заслужить такое прозвище, надо было как следует постараться. Чего стоит один эпизод взятия Белого замка, когда были убиты все осажденные, включая стариков, детей и женщин! А ведь штурмом командовал наш Боэмунд, между прочим. И случилось это как раз в период перемирия между поляками и Тевтонским орденом. Теперь вы видите, что он был за человек?

– Вы так говорите, как будто Мадленка была одуванчиком, – фыркнула задетая за живое Амалия. – Между прочим, когда ее муж умер и она осталась одна с маленькими детьми на руках, ей пришлось воевать с соседями, которые зарились на земли Мейссенов. И она не слишком церемонилась со своими врагами.

Рудольф расплылся в улыбке.

– Не скрою, мне очень понравилось, как она с ними разделалась, – признался он. – И вообще, они сами виноваты, раз первые напали на нее. А вот ее муж мне совершенно не по душе. Я не удивлюсь, если узнаю, что она связалась с ним лишь потому, что у нее не было другого выхода. Не забывайте, какая репутация была у тогдашних крестоносцев, а уж на женский пол эти рыцари всегда были падки.

– Не скажите, – парировала Амалия. – Я знаю, что Мадленка оставила дом, семью, друзей и вслед за крестоносцем перебралась в его страну, где ее ждала неизвестность. Чтобы бросить родной дом и поехать за человеком на край света, надо иметь причины более веские, чем та, которую вы назвали.

Рудольф сверкнул на нее глазами.

– И что же это за причины, позвольте спросить? – осведомился он иронически.

– Любовь, – серьезно сказала Амалия. – Очень большая любовь.

– Для особы, столь успешно размахивающей подсвечниками, у вас на редкость романтические взгляды, – проворчал Рудольф. – В любом случае, даже если там и была любовь, счастья ей она не принесла, потому что наш прадедушка вскоре сошел с ума. Да-да, его держали взаперти и не позволяли выходить. Последние пять лет или даже больше никто в замке не видел его лица.

– Это не единственное объяснение, – сказала Амалия, подумав. – Может, он просто заболел и не мог передвигаться.

– Если человек просто заболел, – возразил Рудольф, – к нему все же хоть кого-то допускают. А нашего рыцаря вообще никто не видел. Словно он исчез, не оставив следа.

– По-моему, Рудольф, вы чересчур доверяете средневековым летописям, – заметила Амалия. – По-настоящему достоверных фактов всегда ничтожно мало, а летописцы ведь тоже люди и могут быть пристрастными, это надо учитывать. Всегда остаются какие-то загадки, которые хочется объяснить, и даже в вашей статье их предостаточно. К примеру, куда делся второй сын Мадленки, Себастьян, который ушел из дома в семнадцать лет? Как звали ее дочь? Верно ли, что сама Мадленка прожила девяносто лет, или это выдумки? А как она выглядела, какие у нее были глаза, какие волосы? Или Боэмунд... Почему при взятии того замка он никого не оставил в живых – только ли потому, что был жесток, или тут кроется что-то другое? Вот видите, мы не знаем ответов даже на самые простые вопросы. Мы можем только предполагать или фантазировать – больше ничего.

– Я чувствую, вы прямо-таки равнодушны к нашему прадедушке, – проворчал Рудольф. – Как вы его выгораживаете, уму непостижимо! Впрочем, оно и понятно – у вас с ним много общего. В свое время он тоже прикончил немало народу, как и вы.

Амалия почувствовала, что у нее загорелись щеки. Пора было поставить зарвавшегося агента на место.

– Вообще-то я никого еще не убила, – сказала она ласково, и в глазах ее вспыхнули и погасли золотистые искры. – Но, глядя на вас, невольно начинаю об этом сожалеть... кузен.

Рудольф фон Лихтенштейн посерел лицом.

– Да, – сказал он упавшим голосом, – теперь я понимаю, почему Волынский взял вас на эту работу. У него просто не оставалось иного выхода.

– Фу, Руди, как вы мрачно смотрите на вещи, – одернула его Амалия. По телу агента пробежала легкая дрожь, он затравленно поглядел на кузину, но ничего не сказал. – Кстати, под каким именем вы здесь?

– Под своим собственным, – буркнул Рудольф, отворачиваясь. – Вы же уничтожили мой запасной паспорт.

– Не расстраивайтесь, кузен, – подбодрила его Амалия. – Хотя вы и собирались поступить со мной не по-родственному, заперев в лечебницу для душевнобольных, я не держу на вас зла. – Она глубоко вздохнула. – Давайте сделаем так, мой дорогой новоявленный родственник. Поскольку нам нечего делить и причина для того, чтобы быть врагами, отсутствует, предлагаю перемирие. Я обязуюсь не предпринимать никаких действий против вас, но и вы не пытайтесь столкнуть меня за борт. Волынский что-то говорил о предрасположенности нашего брата, секретных агентов, к несчастным случаям – так вот, если со мной что-нибудь случится, я буду безутешна. Поклянитесь памятью Мадленки, о которой вы не поленились написать такую захватывающую статью, что меня не тронете, и я обязуюсь любить вас и уважать, насколько это в моих силах, а заодно верну вам журнал. Ну как, идет?

– Идет, – проворчал Рудольф. – Хотя это глупость, но я обещаю, что не причиню вам вреда, кузина. Во всяком случае, пока.

– Вы просто душка, кузен, – серьезно сказала Амалия и, сунув ему в руки журнал, быстро поцеловала в лоб. – До встречи за обедом.

Быстрым шагом девушка удалилась к себе в каюту, где повалилась на кровать и долгое время смеялась, думая о том, сколь неисповедимы пути судьбы.

Востроглазая Эжени Армантель, от которой не укрылись маневры Амалии, сказала своему мужу Феликсу:

– Смотри-ка! Эта вертихвостка всерьез принялась за того надутого тевтона!

Феликс вежливо улыбнулся, а про себя решил, что «эту вертихвостку» он просто так тевтону не оставит. Он дал себе слово заняться ею за обедом. Так сказать, на десерт.

Глава пятая, в которой имеет место быть чрезвычайно досадное происшествие

Корабль «Мечта» вполне оправдывал свое название; по крайней мере, пассажиру первого класса здесь было решительно не о чем больше мечтать. В его распоряжении находились обширная библиотека с читальней, бильярдный зал и гимнастический, курительная комната и даже просторный зал для танцев. Помимо них, гостеприимно распахивали свои двери многочисленные салоны, где можно было встретиться за обедом, за партией в вист или просто, удобно устроившись в креслах, за сплетнями. Обслуга была внимательна, тактична и в то же время не докучала своим присутствием, когда оно не требовалось. Убранство, в котором причудливо сочетались позолота, бронза, бархат, хрусталь и красное дерево, служило предметом зависти скромного второго класса путешествующих *homo sapiens*, не говоря уже о санкюлотском¹¹ третьем классе, довольствовавшемся во время переезда одной жесткой койкой в многоместной каюте. И, восседая среди сверкающего великолепия обеденного салона, в виду самого Дайкори, чей банковский счет ломился от нулей («Гляди-ка, старикашка на ладан дышит, однако не сдастся, молодец, так и надо!») и за одним столом с молодым длинноносым маркизом Мерримейдом («Угораздило же его жениться на актрисулке! С такими делают все, что угодно, только не женятся, а моя-то дочь в сто раз ее лучше»), счастливый пассажир первого класса чувствовал себя почти что небожителем, вращающимся в кругу *своих*, куда посторонним вход строго-настрого заказан.

К обеду Амалия переоделась в платье нежно-сиреневого оттенка, который, как она знала, ей, безусловно, идет; длинные, выше локтей, лиловые перчатки и черный с золотом веер из перьев удачно дополняли ансамбль, и в целом она осталась весьма довольна собой. Вначале она собиралась обедать в одиночестве у себя в каюте, но потом передумала, решив, что раз уж придется провести целых десять дней с этими людьми, то лучше не осложнять себе существование, а попытаться сразу же сблизиться с ними. Покусав губы, чтобы те выглядели ярче, она заглянула в каюту напротив, где застала своего новоиспеченного родственника в самом плачевном положении.

– Кузен, – молвила Амалия изумленно, – что с вами?

– Мне плохо! – простонал вконец разбитый германский агент. – Господи, как качается этот проклятый корабль! Неужели все десять дней будет так? О-о!

И он спрятал лицо в подушку, борясь с охватившим его отчаянием.

– Мне очень жаль, кузен, – искренне сказала Амалия, пытаясь хоть как-то подбодрить его.

– Не называйте меня кузеном! – вскричал Рудольф, поворачиваясь к ней. – Когда вы произносите это слово, у меня внутри словно все переворачивается.

– Я тут ни при чем, – смиренно ответила Амалия, – это все морская болезнь.

– Не хочу вас обидеть, – проскрежетал тайный агент германского кайзера, – но в данный момент я предпочел бы вообще не иметь родственников. Умоляю вас, оставьте меня в покое, если в вас есть хоть капля жалости!

– Хорошо, – покорно сказала Амалия, больше всего раздосадованная тем, что он не похвалил ее платье и даже, кажется, вообще не заметил его. – Но мне вас ни капли не жаль, вы сами во всем виноваты! Зачем вы вообще сели на «Мечту»? Я вас так хорошо связала, можно

¹¹ Санкюлот – (от *фр. sans-culotte*) букв. голоштанник; пролетарий.

сказать, на совесть. Оставались бы себе в номере отеля и горя не знали, нет, вас понесло на корабль! А что, если будет буря? Что, если мы пойдем ко дну? Что, если...

Правая рука Рудольфа конвульсивно потянулась к огромной вазе высотой в полметра, и Амалия поспешно закончила:

– Я надеюсь, что вам будет так плохо, как вы этого заслуживаете!

После чего она с достоинством покинула каюту, оставив незадачливого Рудольфа фон Лихтенштейна наедине с его совестью и морской болезнью.

За столом Амалия оказалась между миссис Рейнольдс, без умолку тараторившей о спиритизме, загробной жизни и ее прелестях, в которые Амалия совершенно не верила, и французским дипломатом месье де Бриссаком, сухощавым, немногословным и учтивым до того, что оторопь брала. Амалия долго пыталась сообразить, кого он ей напоминает, и наконец решила, что он похож на значок параграфа, пытающийся подражать восклицательному знаку.

Напротив Амалии сидела сеньора Кристобаль в окружении врача и компаньонки, с которыми певича время от времени тихо переругивалась по-испански, и аккомпаниатора Шенье, который почти не раскрывал рта. Смотреть на эту артистическую компанию было довольно забавно. Оперная прима вымахала ростом под гренадера, а объемов ее хватило бы по меньшей мере на четыре Амалии. Компаньонка была пониже и тонкая, как игла, с седоватыми волосами, убранными в аккуратный пучок на затылке. Доктор Ортега, маленький и пухленький, отличался необыкновенной живостью. Его руки ни минуты не знали покоя, и только что он чуть не опрокинул чашку на почтенную гадалку.

Рядом с миссис Рейнольдс примостилась ее дочь Мэри, уписывавшая обед с завидным аппетитом, а мистеру Роберту П. Ричардсону досталось место между дипломатом и доньей Эстебанией, от чего он впал в совершенное расстройство и даже не пожелал откусать трюфелей. Донья Эстебания клевала пищу, как аист, не сгибая стана и почти не двигая губами, а дипломат с умопомрачительной ловкостью орудовал дюжиной вилок, ложек и ножей, прилагающихся к каждому прибору. Заметно было, что при одном взгляде на сосредоточенное лицо француза американца просто мутило, тем более что именно дипломат оказался на месте возле блондинки, рядом с которой мечтал сидеть сам Роберт П. Ричардсон.

Соседний стол целиком заняла семья Эрмелин со своими сопровождающими. Мадам Эрмелин, с которой Амалия уже имела честь сталкиваться, была в черном переливчатом платье, плотно облегавшем ее дородную фигуру. На ее морщинистой шее сверкало ожерелье из рубинов с бриллиантами, в ушах тоже были бриллианты, на толстых пальцах через один примостились шедевры ювелирного искусства. Все вместе производило настолько крикливое и вульгарное впечатление, что даже дипломат, поглядев на эту выставку украшений, повернулся к обворожительной мадам Дюпон в сиреновом и шепнул ей на ухо:

– Как рождественская елка, честное слово!

Возле мадам Эрмелин сидел ее старший сын Кристиан, одетый в синий костюм в полоску. Не сын, а просто загляденье: любящий, учтивый и примерный. Он с такой предупредительностью бросался исполнять любое пожелание матери, что нередко забывал о жене, которая сидела по другую его руку. На Органс Эрмелин было бледно-желтое платье и белая накидка, отороченная белым же мехом. Не красавица, но определенно интересная женщина, с высоким лбом, зеленоватыми безмятежными глазами, русыми волосами и атласной нежной кожей. У нее был пристальный, почти гипнотический взгляд и смутная джокондовская полуулыбка. Амалии подумалось, что младшая мадам Эрмелин определенно должна пользоваться успехом у мужчин.

Около Органс расположился Феликс Армантель с женой Эжени. Красавец Феликс, брюнет со жгучими черными глазами и щегольскими усиками, принадлежал к тому типу мужчин, при виде которых женщине сначала хочется оставить все дела и идти за ними на край света. Правда, это желание тут же сменяется другим, а в нем край света два-три раза в неделю пере-

носятся на порог спальни. Это было хищное, яркое и блестящее создание – вроде леопарда, леопарда сытого, но все же по-прежнему опасного, и его шурины – хилый Гюстав и лысоватый Кристиан – совершенно терялись в его тени.

По правую руку от Феликса поместилась его жена Эжени в легкомысленном розовом платье и с цветами во взбитых кудрях. На вкус Амалии, мадам Армантель была определенно толстовата, да и красотой не отличалась: жидкие темные волосы, круглое лицо и слишком близко поставленные глаза. Смех у нее был жизнерадостный, открытый и почти девический. Да, впрочем, Эжени и в самом деле относилась к женщинам, которые и в сорок лет, и в пятьдесят ведут себя, как молоденькие девушки. Вначале это умиляет, потом начинает раздражать, а под конец просто кажется глупым, и Амалия не удивилась, заметив, что Феликс Армантель почти не обращает внимания на свою половину, хотя она то и дело хватала его за рукав, жеманилась и томно поглядывала на мужа.

Возле Эжени сидел ее брат Гюстав, поглощенный разговором со своей миловидной кузиной Луизой Сампьер, одетой в простое темное платье. Кроме мадам Эрмелин и ее родных, за столом также присутствовали семейный адвокат Боваллон, сестра управляющего Надин Коломбье и сыщик, присланный страховой компанией. Фамилия его была Деламар, а имя никого не интересовало. Что же до самого управляющего – господина лет сорока пяти с блестящими глазами, ослепительной белозубой улыбкой и черными волосами, в которых сверкали редкие седые нити, – то он занимал почетное место по левую руку от мадам Эрмелин. Они беседовали о самых обычных вещах, но, когда женщина в черном говорила с ним, лицо ее смягчалось, и на губах то и дело вспыхивала улыбка. «Однако... – подумала Амалия, от нечего делая наблюдавшая за соседним столом. – Похоже, месье Проспер Коломбье не просто управляющий, а нечто большее». Впрочем, она не стала задерживаться на этой мысли, справедливо рассудив, что личная жизнь мадам Эрмелин ее не касается.

Прочие небожители (точнее, те из них, кто, в отличие от Рудольфа фон Лихтенштейна, не был подвержен морской болезни) сидели поодаль за третьим столом, а мистеру Дайкори отвели отдельное место в нише. Амалия своим острым взглядом заметила, что миллионеру кусок не лезет в горло: он пробовал какое-нибудь блюдо, после чего отставлял его в сторону и одним и тем же жестом просил убрать.

– Импрессионизм, – вещал художник Фоссиньяк за своим столом, – создан одними ничтожествами для других. Ренуар, Моне, Сезанн! Господи боже мой, да они даже не умеют рисовать!

За другим столом Эжени залилась присущим ей обманчиво девическим смехом, отвечая на остроуту адвоката Боваллона.

– Представьте себе: однажды мы вызвали дух Наполеона! – вскричала миссис Рейнольдс на прескверном французском, обращаясь к дипломату. – Разве это не чудесно, месье?

Однако дипломат, очевидно, вовсе так не считал, потому что с кислой улыбкой ответил:

– Если вам угодно так думать, пожалуйста. Но лично я полагаю, что великие люди заслужили хоть немного покоя – если не при жизни, то хотя бы после смерти.

Миссис Рейнольдс вытаращила глаза. То, что она услышала, для нее было чистой воды святотатством, и она не замедлила кинуться в атаку на богохульника.

– Вы не верите в духов? – обрушилась она на представителя дипломатического корпуса.

– Зачем? – возразил француз, пожимая плечами. – Для веры вполне достаточно одного святого духа.

Миссис Рейнольдс растерянно заморгала, пытаясь переварить услышанное. Дочь, не переставая жевать, вполголоса перевела ей слова де Бриссака на английский. Дипломат улыбался, и Амалия невольно прониклась уважением к этой смеси параграфа с восклицательным знаком.

– Не люблю духов, – заявила сеньора Кристоаль. – В миланской «Ла Скала» один из них повадился таскать у меня парики!

– Парики? – удивился американец. – А почему именно парики?

– В старых театрах, – назидательно объяснила донья Эстебания, – обитает множество самых различных духов. Ведь после смерти все артисты возвращаются в те места, где они когда-то блистали.

– Некоторые из них, – заметил французский дипломат, – пытаются сделать это еще при жизни, после того, как их слава уже прошла. В любом случае результат выходит не самый лучший.

– Ах, оставьте! – фыркнула сеньора Кристоаль. – Что вы можете понимать в нашем искусстве? Это каторжный труд и ежедневная зависимость от людей, которых ты даже не знаешь и, скорее всего, не узнаешь никогда. А ведь именно они решают успех твоей постановки... Что тебе, Ортега? – раздраженно спросила она у доктора, который уже некоторое время пытался привлечь к себе ее внимание.

Донья Эстебания сказала что-то по-испански, указывая на тарелку с пирожными, которая стараниями оперной примы почти опустела. Доктор энергично кивнул. Сеньора Кристоаль тяжело задышала и шепотом бросила несколько резких слов, среди которых Амалия различила лишь одно – *virega*¹². Повернув голову, она встретила взгляд американца.

– Духи – это хорошо, – пробормотал мистер Ричардсон, – но живым быть все-таки лучше.

Он был удостоен одобрительного взгляда интересовавшей его блондинки и воспрянул духом.

– Вы надолго к нам в Штаты? – спросил он Амалию.

– Еще не знаю, – честно призналась она. – Как получится.

– Прошу вас, не церемоньтесь, заезжайте ко мне в гости. Я познакомлю вас с дядей Чарльзом. На моем ранчо...

– *Madre de Dios!*¹³ – завизжала сеньора Кристоаль, спорившая с врачом и незаметно для себя повысившая голос. – Да как ты смеешь мне перечить! Я вытащила тебя из грязи, я...

Даже за столом Эрмелинов замолчали и уставились на певицу, но ее это, по-видимому, ни капли не смутило. Она схватила свою тарелку и с кровожадным наслаждением метнула ее на пол.

Тарелка, как и положено тарелке, рассыпалась вдребезги. К месту ее крушения бросились двое стюардов и, ползая на коленях, стали подбирать осколки и стирать остатки пищи.

– И этот висельник, – с чувством объявила сеньора Кристоаль, – указывает мне, что я должна делать!

Ее слова повисли в звенящей тишине неодобрения. На скулах оперной певицы проступили пятна. Она закрыла лицо руками, и гигантские плечи ее начали вздрагивать. Через мгновение все вернулись к прерванным беседам.

Художник Фоссиньяк:

– Эль Греко – это просто смехотворно!

Миссис Рейнольдс:

– О чем я говорила? Ах да, Наполеон. Представьте себе, после смерти он сделался приверженцем мира...

Дайкори – слуге:

– Что это? Грибы? Нет, не могу, не могу их видеть. Льюис! Вези меня обратно в каюту.

Маркиз Мерримейд – жене-актрисе, которая поглаживала сидящую у нее на коленях собачку:

¹² Змея (*исп.*).

¹³ Матерь божья! (*исп.*)

– Что за неуправляемая особа. Так вот, дорогая Сюзан...

Мадам Эрмелин:

– Совершенно безвкусное платье на этой блондинке!

Ее зять Феликс насмешливо прищурился.

– Что вы так на нее взъелись, дорогая мадам? – Он оглянулся на Амалию, которая разговаривала с дипломатом о местах, в которых тому довелось побывать. – По-моему, ее не в чем упрекнуть.

– Ах, оставьте, Феликс, – отмахнулась теща с гримасой досады.

– Мама права, – вмешался Гюстав. – Такой цвет носят только куртизанки.

– Куртизанки? Ты их много видел? – Феликс заинтересованно вскинул брови. – А ты был у куртизанки хоть раз в жизни?

– Феликс! – вмешалась Луиза Сампьер. – Пожалуйста, перестаньте.

– Я не считаю нужным ходить к... к подобным особам, – тоненьким дрожащим голосом произнес ее кузен.

– Тогда не рассуждай о том, чего не знаешь, – добил его леопард, лениво скалясь. – Простите, Луиза, – он поцеловал ей руку, слегка коснувшись кожи губами, – но я и в мыслях не имел огорчить вас. – Девушка выдернула у него руку и отвернулась.

– Отчего ты ничего не ешь, дорогая? – спросила у нее мадам Эрмелин.

Луиза поглядела на свою тарелку: та была почти полна.

– Что-то не хочется, тетушка, – сдержанно ответила она.

Обед подошел к концу. Про себя Амалия отметила, что клубничное суфле, поданное на десерт, оказалось выше всяких похвал, как, впрочем, и все остальное. Она все меньше и меньше жалела о том, что без всякой цели плывет через океан в неведомую Америку. В сущности, так даже было лучше.

Люди поднимались с мест, но никто не торопился возвращаться к себе. Всех охватило чувство блаженной истомы, как это всегда бывает после хорошего плотного обеда.

Миссис Рейнольдс, уставшая от недоверчивых французов, мертвой хваткой вцепилась в маркиза Мерримейда и его жену, нахваливая достоинства общения с духами и предлагая ему устроить встречу с парочкой из них, скажем, с его предками, если он пожелает, или ограничиться гаданием на шаре или на картах. Маркиз слушал вежливо и скучал смертельно, зато его жена сразу же загорелась идеей узнать свое будущее и попросила австралийку погадать ей. Миссис Рейнольдс взяла колоду карт и устроилась под абажуром, расписанным павлинами.

– Так... О, да вам повезло, дорогая моя! Деньги, очень много денег... А это что? Неприятности?

Маркиз и его жена переглянулись.

– После недавней смерти отца я унаследовал титул и состояние, – сказал Мерримейд. – А что еще за неприятности?

– Нет, нет, это не с вами, – уверенно заявила миссис Рейнольдс. – Они произойдут с кем-то другим, но на ваших глазах.

– Ах, не надо неприятностей! – проворковала актриса, прижимая к себе собачку и целуя ее. – Я так чувствительна, я всегда так переживаю!

Всхлипывающая сеньора Кристоаль покинула салон в сопровождении врача, Леона Шенье и недремлющей доньи Эстебании. Еще раньше увезли мистера Дайкори. Появились лакеи с подносами, на которых стояли бокалы с шампанским, и стали обносить желающих. Амалии пить не хотелось. Она обернулась и увидела возле себя Феликса, который открыто и беззастенчиво рассматривал ее.

– Мне кажется, я не успел представиться, – сказал он, завладев ее рукой и целуя ее. – Феликс Армантель, к вашим услугам.

– Очень приятно. Я – Амели Дюпон.

– Просто Дюпон? Занятно. Вы случайно не из нантских Дюпонов?

– Нет, но не случайно.

– Слышал, что с вашим мужем стряслась неприятность. Мне искренне жаль.

Впрочем, если судить по его лицу, то Феликс, напротив, испытывал величайшее удовольствие в своей жизни.

– Вы слишком добры, – вынуждена была ответить Амалия.

– Он заболел?

Настойчивость расспросов не понравилась ей.

– Можно сказать и так, – таинственно шепнула она.

– Простите? – Феликс нахмурился.

– У него голова не в порядке. – Амалия легонько постучала себя указательным пальцем по виску.

– А! – с облегчением произнес Феликс. И многозначительно улыбнулся: – А вы уже и кольцо сняли? Нехорошо, нехорошо...

Амалии захотелось провалиться сквозь палубу. Кольцо! Она забыла об обручальном кольце! Господи, какая она идиотка! Никогда, никогда не выйдет из нее стоящего секретного агента!

– Феликс, дорогой...

Рядом с Армантелем возникла его жена. Амалия с любопытством посмотрела на нее. Да, жизнь с леопардом наложила на женщину определенный отпечаток: она не говорила, а мурлыкала, как кошечка. Эжени мягко, но настойчиво взяла мужа под руку. Он казался польщенным, но по тому, как чуть резковато разгладил свои усики, Амалия догадалась, что он вовсе не в восторге.

– Ты уже познакомился с мадам Дюпон? – промурлыкала Эжени. – Надо же, как мило! У вас прелестный цвет лица, дорогая! Это какие-то новые румяна?

– О нет, мадам Армантель, – отозвалась Амалия, отлично поняв, куда ветер дует. – Я вообще не пользуюсь косметикой, она дурно влияет на кожу.

Все присутствующие дамы посмотрели на нее, как инквизиторы на еретика, сообщившего им, что Земля круглая.

– Надо же, – пробормотала Эжени, – вы совсем как кузина Луиза! Она тоже не признает косметики.

– Вы уже знакомы с Луизой? – вмешался Феликс. – Гюстав, будь так добр, позови ее... Мадам Амели Дюпон. Это Луиза Сампьер, славная девушка, но никто никогда не может сказать, о чем она думает. – Рыжеватая Луиза вяло улыбнулась. – А это Гюстав, мой шурин.

– Очень приятно, – буркнул Гюстав, исподлобья косясь на особу в сиреновом платье. Амалия явно не произвела на него никакого впечатления. Впрочем, оно и понятно – ведь его сердце уже было занято другой.

– А где ваш знакомый? – спросила Эжени у Амалии. – Тот, что сел в Шербуре?

– К сожалению, у него морская болезнь, – отозвалась Амалия.

– Должно быть, это ужасно досадно, – заметил Феликс. – Как вы себя чувствуете, дорогая Надин? – обратился он к бесцветной сестре управляющего. – Помнится, вы упоминали, что не любите путешествовать морем, потому что когда-то вам предсказали, что смерть настигнет вас на воде.

– Это верно, – помедлив, призналась Надин. – Но ведь кто-то же должен смотреть за людьми, не то они все растащат. – Произнося эти слова, она с иронией глядела на Феликса.

– О, – сказала Эжени, кривляясь, – без вас, мадемуазель, мы как без рук!

Мадам Эрмелин что-то говорила. Амалия обернулась к ней и увидела, что та держит в руке бокал шампанского.

– Я пью, – сказала она, обращаясь к импозантному управляющему, – за нас. За всех нас!

Ее интонация, поза, улыбка говорили куда больше, чем ее слова. Гюстав густо покраснел и насупился. Феликс Армандель отвернулся, стиснув челюсти, так что на его скулах желваки заходили ходуном. Мадам Эрмелин поднесла бокал к губам и сделала глоток.

Лицо ее посинело, она бурно закашлялась и стала давиться и хрипеть. Затем женщина выронила бокал, схватилась обеими руками за грудь и, выкатив глаза, страшно разинув рот, стояла, задыхаясь, – старая женщина, просто старая женщина в блестящем черном платье и смешных побрякушках.

– Боже мой! – пролепетала Эжени, меняясь в лице. – Мама, что с вами?

Мадам Эрмелин рухнула в кресло. Проспер Коломбье, не помня себя, бросился к ней.

– Врача, врача! – отчаянно закричал он. – Ей дурно!

Его сестра уже спешила к нему.

– Ничего страшного, Проспер, мадам просто поперхнулась... Принесите воды, сейчас она прокашляется, и все будет хорошо.

Кристиан Эрмелин дрожащими руками налил воды из графина, едва не уронив его, и поднес бокал матери. Через силу мадам Эрмелин сделала несколько глотков.

– Все хорошо, все хорошо, – заученно твердил управляющий, поглаживая ее по плечу.

Мадам Эрмелин повернула голову, заметила его и улыбнулась.

– Спасибо, Проспер... Спасибо.

– Мама, – пробормотал Гюстав, – с вами все в порядке?

– Да. – Держась за руку Проспера, мадам Эрмелин с усилием поднялась на ноги. – Со мной... все хорошо.

В следующее мгновение ее ноги словно подломились в коленях, и она упала на ковер. Из ее рта бежала тонкая струйка крови.

Глава шестая, в которой происходит непоправимое

– Что случилось? – были первые слова Рудольфа фон Лихтенштейна после того, как он переступил порог. Доблестный германский агент был бледен и не вполне уверенно держался на ногах, но надо отдать должное его мужеству: он сумел-таки превозмочь коварную хворь и вышел к обществу засвидетельствовать свое почтение.

Он налетел на фрау Кляйн, молодую симпатичную жену здоровяка из Эльзаса, и вспыхнул.

– О, простите...

Обогнув фрау Кляйн, он поспешил к Амалии.

– Что произошло? – спросил он ее шепотом. – Надеюсь, никто не получил сотрясение мозга?

К нему подошел лакей с подносом, и, подумав долю мгновения, Рудольф снял с него бокал на высокой ножке.

– Вы дурно обо мне думаете, кузен, – с укором сказала Амалия. – Просто мадам Эрмелин подавилась шампанским, ей стало нехорошо, и ее унесли в каюту.

Рудольф вытаращил глаза и поперхнулся. Амалия, как и положено заботливой родственнице, поспешила к нему на помощь и легонько постучала его по широкой спине, после чего Рудольф перестал кашлять.

– Спорю, вы сказали мне это нарочно, – проворчал он, сердито покосившись на нее.

– Нет, кузен, – возразила Амалия, – я сказала правду.

– Допустим, – сказал Рудольф недовольно. – Кстати, кто такая мадам Эрмелин?

Амалия пустилась в объяснения.

– А, француженка из восьмой каюты, – буркнул Рудольф, скривившись как от зубной боли. – Кошмарная старая ведьма. Я еще слышал, как она визжала кому-то снаружи: «Вы – ничтожество! Вы – убожество! От вас никакого проку!» и так далее в том же духе. – Он ласково улыбнулся Амалии. – В это мгновение я и понял, что вы ангел, дорогая моя!

– Кузен, – сказала Амалия, стыдливо потупясь, – вы мне льстите. Но я стараюсь.

Рудольф фыркнул.

– Надеюсь, вам уже лучше? – осведомилась Амалия.

– Черта с два! – отозвался Рудольф горько. – Если бы не сознание того, что я должен обезопасить общество от ваших выходов, кузина, я бы не поднялся с места. Но долг прежде всего.

В дверь вбежал Гюстав, который вместе с братом и управляющим помогал переносить мать. Он бросился к адвокату и о чем-то с жаром заговорил с ним, после чего мужчины вышли. Зеленоглазая Органс подошла к Амалии.

– Мы уже встречались, не правда ли? А это – ваш муж?

– Слава богу, нет, – ответил Рудольф за Амалию. – Я всего лишь родственник мадам.

Амалия прыснула. Рудольф вел себя совершенно неприлично, однако это ее нисколько не scandalизовало, напротив: она забавлялась от души. У него было тяжеловатое чувство юмора, и выражался он порой чересчур прямо и резко, но бог весть почему именно эти черты были ей симпатичны. Органс посмотрела на нее с удивлением. Затем решила, что на самом деле Рудольф – не родственник, а любовник Амалии, и успокоилась совершенно.

– Меня зовут Органс Эрмелин, – сказала она, глядя в лицо немца своими завораживающими зеленоватыми глазами.

– Граф Рудольф фон Лихтенштейн, – представился тот и галантно поцеловал ей руку.

– О! Как интересно! – заметила Ортанс, чье мнение об Амалии разом улучшилось, едва она узнала, что любовник блондинки в сиреневом – настоящий граф. – Я не видела вас за обедом. Где вы прятались?

– Я не переносу качки, – кратко ответил граф, исподтишка корча рожи Амалии, которую так и распирало от смеха.

– О, это ужасно! – посочувствовала Ортанс. – Вам очень не повезло. Обед был замечательный, обстановка просто поразительная! Цветы в вазах, старинные канделябры...

При слове «канделябры» Рудольф посерел лицом и отшатнулся.

– Кузен Руди, – объяснила Амалия с серьезным видом, – не поклонник старины.

– Вот именно, фея летающего канделябра, – проворчал Рудольф по-немецки. – Теперь я до конца дней своих буду шарахаться от каждого подсвечника!

– Ну, кузен, вы не должны на меня сердиться. *A la guerre comme a la guerre!*¹⁴

– Так уж и быть, – философски согласился Рудольф. – Кстати, я тут подумал: если вы по-прежнему хотите иметь статью о нашей прабабушке, я могу это устроить.

– С вашим автографом, – уточнила Амалия.

– Непременно.

Оба расхохотались. Ортанс, изумленная в высшей степени, смотрела на них.

– Когда я выйду в отставку, займусь историческими изысканиями. А вы?

– Не знаю, – сказала Амалия, подумав. – Я, в общем-то, о многом не мечтаю. Надеюсь, у меня будут дети, дом и любящий муж. И что ни я, ни мои близкие не будут влачить жалкое существование.

Было видно, что у Ортанс уже голова идет кругом. Она решительно ничего не понимала.

– А вы, мадам? – спросил ее Рудольф. – О чем вы мечтаете?

Смерив его холодным взглядом, та отвернулась, словно он спросил нечто в высшей степени неприличное. Вошел Кристиан и, заметив жену, напрямик направился к ней.

– Ортанс... – робко начал он.

– В чем дело? – высокомерно спросила молодая женщина.

– Мама... она... – Он судорожно сжимал и разжимал руки. – Там у нее врач, этот испанец, Ортега... И Эжени с Надин... они ему помогают... но...

– Кристиан, – сказала Ортанс раздраженно, – она просто поперхнулась. С кем не бывает!

– Нет, – забормотал Кристиан, теряя голову, – ты не понимаешь... Маме очень плохо...

– И слава богу, – безжалостно ответила Ортанс. – Может быть, тогда нам наконец станет хорошо.

– Ортанс! – жалобно вскрикнул ее муж.

– А что «Ортанс»? – пожала плечами его жена. – Она никому из нас не дает даже вздохнуть свободно. Адвокат при ней ходит на цыпочках, Проспер... ну, про Проспера вообще нечего говорить. Он единственный сумел с ней поладить, занял достойное место в ее сердце. – Ортанс зло усмехнулась. – Только ему и Луизе удастся с ней ужиться, но малышка Луиза... – Она умолкла и с иронией покосилась на девушку, которая стояла возле них.

– Ну что? – с вызовом спросила Луиза, вскидывая голову. – Договаривай, дорогая.

И этот твердый тон, похоже, оказал на Ортанс такое же действие, как несколько минут назад на Армантеля. Во всяком случае, жена Кристиана отступила.

– В конце концов, что тут происходит? – сухо спросила она. – Мадам же не умерла?

– Нет, – простонал Кристиан, ломая руки. – Она не умерла, но она умирает. Доктор... доктор сказал, что у нее лопнул сосуд в горле. – Он упал в кресло и разрыдался, уже не сдерживаясь. Плечи его дрожали.

Ортанс застыла на месте. Рудольф и Амалия ошеломленно переглянулись.

¹⁴ На войне как на войне! (*фр.*)

– Я же говорила: неприятности! – с победным видом заявила миссис Рейнольдс и тряхнула головой.

Маркиза Мерримейд с суеверным ужасом уставилась на нее.

Хлопнула дверь, и в салон вбежала Эжени Армантель. Это уже не была женщина средних лет, играющая маленькую девочку. Ее лицо было искажено неподдельным отчаянием, на розовом платье темнели какие-то бурые разводы, и, присмотревшись, Амалия поняла, что это кровь.

– Кристиан! Кристиан! – закричала Эжени. – О боже, как вы могли оставить меня? Она умирает, Кристиан! Ортега сказал, надо срочно звать священника, а я не знаю, где его искать. О боже мой!

– Но в первом классе нет священника, – подал голос сыщик из страховой компании, Деламар.

Амалия стряхнула с себя оцепенение.

– Да, но на корабле едут не только пассажиры первого класса... Надо справиться у помощника капитана.

Маршалль прибыл через минуту. Он уже знал, что за обедом стряслось нечто экстраординарное, и, подумав, сказал, что сумеет привести священника.

– На борту «Мечты» находится один уважаемый миссионер, отец Рене. Я уверен, он не откажется нам помочь.

Когда он ушел, Ортанс обернулась к сестре мужа.

– Эжени, так это правда? – На ее лице читалась тревога. – Она умирает?

– Тебе-то что? – сквозь слезы выкрикнула Эжени. – Тебя там не было, когда у нее кровь хлестала фонтаном изо рта! О господи, за что же мне такая напасть?

– Успокойся, дорогая, – поспешно вмешался Феликс. – Прошу тебя.

Луиза Сампьер подошла и взяла ее за руку.

– Мы должны идти к тете, – сказала она. – Нельзя оставлять ее.

Эжени вырвала руку и отшатнулась. Ее щеки были мокрыми от слез.

– Что, надеешься на наследство, кузина? А? – зло бросила она.

Девушка вскинула голову.

– Ты не в своем уме, Эжени, – холодно ответила она. – Ты ведь знаешь, что лично мне ничего от вас не надо. – И, ни на кого не глядя, Луиза направилась к выходу.

– Подожди, кузина! – залепетала Эжени. – Я... Пожалуйста, извини! Я и сама не знаю, как это у меня вырвалось... – Она бросилась за девушкой, но дверь уже захлопнулась.

Амалия поглядела на Рудольфа, Рудольф поглядел на Амалию и пожал плечами. Они зашагали вслед за Эжени, а за ними, внезапно забеспокоившись, поспешили Феликс Армантель и сыщик из страховой компании.

– Какая аппетитная дамочка, – пробормотал Рудольф по-немецки. – Булочка, а не дамочка.

– До чего же вы непочтительны, Руди, – пожаловалась Амалия. – Имейте в виду, если мадам Эрмелин умрет, ее дочь унаследует как минимум пять миллионов франков.

– Булочка за пять миллионов, – вздохнул Рудольф. – Когда мой бедный отец совсем разорился и умер, меня тоже хотела купить одна такая. Титул всегда ценится довольно высоко, как и все, что нельзя приобрести за наличные.

– Так вы женаты? – с легким неодобрением спросила Амалия.

Рудольф покачал головой.

– Если бы у меня были такие деньги, какого дьявола, спрашивается, я бы стал работать? – Он оглянулся и понизил голос: – Видели, на кого я налетел в дверях, когда вошел?

– Дама из Эльзаса?

– Никакой не Эльзас, а австрийская разведка. Сделайте мне одолжение, держитесь от нее и Вернера подальше. Вернер попеременно изображает то ее брата, то мужа. Видели, у него скула свернута? Это я его угостил в семьдесят восьмом году. Замечательная вещь – английский бокс!

– Гм, – сказала Амалия. – Спасибо за сведения, кузен. А из англичан вы никого не видели?

Рудольф мгновение подумал.

– Тех, кого я знаю, здесь никого нет.

– А вы многих знаете? – осведомилась Амалия.

Рудольф ухмыльнулся.

– О, почти всех!

В коридоре их нагнал Кристиан, утирающий слезы. С ним была Ортанс, которая шепотом уговаривала его успокоиться.

– Может быть, нам лучше удалиться? – вполголоса спросил Рудольф.

Амалия покачала головой:

– Как вам будет угодно.

Возле каюты мадам Эрмелин они встретили второго помощника Марешаля, за которым шел светловолосый священник лет сорока, облаченный в небрежно залатанную рясу. Через левую щеку его тянулся глубокий, плохо заживший шрам.

– Это отец Рене, – представил его помощник. – Он примет исповедь у мадам Эрмелин.

– Господи, – забормотала Эжени, теряясь, – но неужели все так плохо?

Отец Рене посмотрел на нее. У него были светло-голубые глаза, и когда Амалия увидела их, она невольно растерялась. Такие чистые, незамутненные глаза бывают у только что родившихся младенцев, которых еще не коснулась грязь этого мира, однако по морщинкам на переносице священника, по горьким складкам возле его рта Амалия угадала, что на самом деле этому человеку досталось сполна. И, однако, взор его поражал своей безмятежностью.

– Вы верите в бога? – ответил отец Рене на слова Эжени. – Тогда вы должны знать, что все в его воле.

Это были всего лишь слова, но то, как он их произнес, оказало на окружающих поистине магическое действие. Эжени перестала плакать, Феликс обнял ее за плечи, Кристиан кашлянул и опустил глаза, а Ортанс распрямилась, как натянутая струна. Священник растворил дверь и шагнул в каюту. Через минуту оттуда вышел шатающийся от горя Проспер Коломбье, его сестра, которая поддерживала его под локоть, Гюстав и бледный адвокат Боваллон. Последним в дверном проеме показался маленький доктор. Дверь затворилась, и священник остался с умирающей наедине. Луиза, ни на кого не глядя, прислонилась к стене. Поколебавшись, к ней подошла ее кузина.

– Луиза, – несмело начала Эжени, – извини меня, пожалуйста. Я... я была не в себе, когда сказала...

Девушка устало повернула голову в ее сторону.

– Ну что ты, – примирительно ответила она. – Я уже все забыла. – Она отлепилась от стенки и неуверенной походкой направилась к соседней каюте. – Я пока побуду у себя. Если понадобится...

– Да-да, мы тебя позовем, – поспешно сказал Кристиан.

Луиза кивнула и удалилась.

Доктор Ортега хотел уйти, но в него вцепился Кристиан.

– Доктор... Скажите, пожалуйста, а мама... она... – Он собрался с духом. – Неужели нет никакой надежды?

Маленький доктор с грустью взглянул на него.

– Мне очень жаль, месье, но... Я сделал все, что было в моих силах. Теперь вся надежда только на бога.

Он удалился, а удрученные члены семьи, в одночасье оставшейся без главы, только переглядывались, не смея нарушить молчание.

– Этот миссионер, – вяло начал Феликс, – отец Рене... Он вроде знаменитости, я даже читал о нем в газете... – Все взоры приковались к нему. – Говорят, он весьма уважаемый человек.

Эжени передернула плечами.

– Может, и уважаемый, – довольно прохладно заметила она, – только вид у него какой-то... не слишком. Мог бы одеться поприличнее, в конце концов... – Но тут на нее так посмотрели, что она вынуждена была прикусить язык.

– О, глядите! – вскрикнула Ортанс, подавшись вперед.

Дверь каюты медленно растворилась. На пороге стоял отец Рене, держа в руках простые деревянные четки.

– Она... она... – начал Кристиан, не решаясь закончить вопрос.

Священник молча отступил в сторону.

– Прошу вас, господа, – сказал он.

На большой кровати под балдахином лежала мадам Эрмелин. Сказочное ожерелье ее сбилось набок, открытые глаза были неподвижны, губы посерели. Ортанс с шумом втянула в себя воздух. Гюстав стоял, зажав зубами согнутый указательный палец. Кристиан окаменел. Помедлив, отец Рене подошел к кровати и бережно закрыл старой женщине глаза. Адвокат перекрестился. В наступившей тишине были слышны только судорожные рыдания – это плакал Проспер Коломбье. Его сестра, морщась, утешала его.

– Она умерла? – изменившимся голосом спросил Кристиан. – Мама умерла? Совсем?

Отец Рене кивнул, как бы подтверждая, что смерть – вещь окончательная и обжалованию не подлежит. Феликс Армантель закусил губу и отвернулся. Весь лоск в одно мгновение слетел с человека-леопарда. Лицо стало жестким, и все тридцать два года его жизни проступили на нем.

– Из-за шампанского? – вне себя закричал Кристиан. – Из-за какого-то дурацкого шампанского? Господи боже мой!

Он схватил первое, что попало под руку – какую-то изящную пепельницу со стола, – и с силой швырнул ее в пространство. Никто даже не шелохнулся, только Амалия крепче вцепилась в руку Рудольфа.

– Какое несчастье, – мрачно произнес адвокат Боваллон.

Ортанс, шмыгая носом, подошла к мужу.

– Кристиан...

Тот дернулся в сторону.

– Не трогай меня!

И Амалия, и Рудольф – оба испытывали тягостное чувство неловкости оттого, что оказались при этой семейной сцене. Кто-то выразительно кашлянул в дверях. Все они обернулись – и увидели сыщика Деламара.

– Что вам угодно, милейший? – сухо спросил у него адвокат.

Сыщик заложил руки за спину и спокойно смотрел на него.

– Дамы и господа, я понимаю и разделяю ваше горе, но позвольте мне напомнить причину, по которой я оказался здесь. В последнее время участились кражи украшений, представляющих особую ценность. Подчеркиваю: не каких-нибудь мелких безделушек, а действительно крупных вещей. Нам пока не удалось выйти на след вора. Известно лишь, что прозвище его – Белоручка и что никакой нестораемый шкаф ему не помеха. Учитывая печальный опыт кражи бриллиантов у княгини Лопухиной, меня уполномочили проследить за сохранностью

драгоценностей мадам Эрмелин, которые застрахованы на довольно крупную сумму, во время ее морского путешествия. Так вот...

– К чему вы напоминаете нам обо всем этом? – вне себя выкрикнул Гюстав.

– К тому, – невозмутимо продолжал Деламар, – что, хотя мадам Эрмелин умерла, договор заключал месье Кристиан, и он до сих пор действителен. Более того, я не могу дать гарантии, что в настоящее время вор не находится среди пассажиров. Поэтому я прошу вас поставить меня в известность, как вы собираетесь поступить с драгоценностями покойной мадам Эрмелин. И умоляю простить меня, если я ненароком задел ваши чувства.

Адвокат Боваллон выступил вперед.

– Он, безусловно, прав, – сказал он. – Драгоценности мадам Эрмелин составляют часть ее наследства. – Он поглядел в сторону кровати, на уродливую мертвую старуху, в которой не осталось ничего, что могло вызвать ненависть, зависть или любые другие чувства. – Лучше всего снять украшения с нее, пока она совсем не окоченела, потом сделать это будет гораздо труднее. Вы поможете мне, Эжени?

Ортанс тихо охнула от ужаса. Эжени сглотнула и молча кивнула.

– В любом случае, – резко заметил Кристиан, – драгоценности остаются в семье, и тебе прекрасно это известно. Так какая разница...

Глаза адвоката прекратились в две узкие щелочки.

– Сожалею, – промолвил он спокойно, – но до оглашения завещания вашей матери вы не имеете права ими распоряжаться. – Он обвел взглядом присутствующих. – Думаю, будет лучше, если они останутся у меня.

Кристиан покраснел. Казалось, он готов был взорваться, но вмешалась Эжени.

– Хорошо, мы согласны, – устало проговорила она. – Не надо ссориться.

– Какая разница, – прокрипел Гюстав, – если мама умерла.

– А похороны? – взвизгнула Надин Коломбье. – Как же... мы же в открытом море! Кругом вода!

Адвокат серьезно и печально посмотрел на нее.

– Согласно морскому уставу, – сказал он, – умершего в море в нем и хоронят. Тут мы ничего не сможем поделать.

Гюстав затрясся всем телом.

– И все из-за этого проклятого шампанского! – простонал он. – Все из-за него!

* * *

Из дневника Амалии Тамириной.

«22 ноября. Первый день плавания. Нашего друга на борту нет. Остановка в Шербуре. Встретила дальнего родственника. C'est charmant¹⁵. Обед в большом салоне. Я – в сиреновом платье. Одна из пассажирок – мадам Эрмелин – умерла, случайно поперхнувшись шампанским. Печальное начало путешествия. Что-то будет завтра?»

¹⁵ Это очаровательно (*фр.*).

Глава седьмая, в которой Амалия оступается, что имеет весьма неожиданные последствия

День 23 ноября был на редкость печальным днем.

Из-за происшедшего накануне печального события пассажиры первого класса чувствовали себя неуютно. Как-то разом потускнела позолота салонов, притихли оживленные разговоры, умолк задорный смех круглолицей Эжени Армантель. Дело было даже не в мадам Эрмелин, которую большинство пассажиров едва знало, – дело было в той невидимой и незваной гостье с косой, неожиданно явившейся и выхватившей из их круга женщину, которая еще вчера беседовала с попутчиками, носила бриллианты, смотрелась в зеркало и, казалось, принадлежала к тем счастливым, что умирают в своей постели лишь в глубокой старости. Но хватило одного-единственного глотка шампанского, попавшего не в то горло, чтобы бриллианты раз и навсегда потеряли для нее прежнее значение. Она стала всего лишь жалким телом, обреченным на распад и исчезновение, обременительным грузом, с которым не знали, что делать, и которое после долгих и мучительных переговоров поместили в пустующий ледник, где, по иронии судьбы, прежде хранились бутылки шампанского. Те же, кто остался в живых, внезапно поняли, что блеск всех драгоценностей в мире ничто по сравнению с блеском жизни, и еще – что все мертвые до ужаса похожи друг на друга. И еще они поняли, что тоже смертны, и эта мысль наполнила их невыразимой тоской.

Последнее открытие было неприятнее прочих, и оттого утром 23-го пассажиры «Мечты» старались избегать общества друг друга. Почти все затребовали завтрак к себе в каюты, и мало кто отваживался ступить на палубу. С океана дул пронизывающий ветер. Амалия взяла в библиотеке «Повелителя блох» Гофмана во французском переводе и ушла к себе. Перечитав сказку, она решила, что пора провести кузена. Рудольф чувствовал себя неважно, но все же сумел заставить себя проглотить половину завтрака. Убедившись, что ему не требуется помощь, Амалия покинула его, но у дверей ее подстерегала темпераментная сеньора Кристоаль. Оперная певица досадовала, что вчера увлеклась выяснением отношений и пропустила интересное событие. Ортега знал о происшедшем не слишком много, и оттого сеньора Кристоаль вцепилась в мадам Дюпон, требуя подробностей.

– Мадам Эрмелин, которая сидела за соседним столом, поперхнулась и умерла, – спокойно сказала Амалия. – Больше мне нечего вам сообщить.

Сеньора Кристоаль начала причитать на весь корабль, попутно вспоминая тетку из Саламанки, которая подавилась вишневой косточкой, но не только не умерла, а пережила своего супруга, дядю из Севильи, скончавшегося от несварения желудка в пятьдесят лет, и двоюродную бабушку из селения У-Черта-На-Рогах, подробности кончины которой известны разве что всемогущему богу. Она поведала бы еще немало животрепещущих подробностей в том же духе, но Амалия, опасаясь, что ей придется выслушивать описания смертей еще десяти поколений семьи Кристоаль, поторопилась сбежать в свою каюту, где заперлась на двойной оборот ключа.

Около полудня к ней постучал второй помощник Марешаль и, когда она отворила, сообщил, что похороны мадам Эрмелин начнутся через час.

– Разумеется, вы не обязаны на них идти, – добавил он.

Амалии вовсе не хотелось присутствовать на похоронах, но тем не менее она знала, что пойдет туда. Что это было: трусость стадного животного? Запоздалые угрызения совести – ведь мадам Эрмелин ей вовсе не нравилась? Гипертрофированное чувство долга? Амалия предпочитала не задумываться над этим.

Она надела темно-синее платье, наиболее уместное в данном случае, после чего решила, что у нее еще есть время, чтобы вернуть Гофмана в читальню и взять какую-нибудь другую книгу. «Надеюсь, у них есть Золя... Если нет, то сойдет Альфонс Доде».

Едва переступив через порог, Амалия заметила, что в читальне что-то изменилось. Книжки умеют говорить, как люди, – и, как и люди, они умеют молчать. В библиотеках царила важная, с привкусом пыли, царственная тишина, и даже воздух в них казался загустевшим. Но здесь тишины уже не было – ее спугнули посторонние. Сжав в руке томик Гофмана, Амалия шагнула вперед.

На краешке кожаного дивана с отсутствующим видом сидела Луиза Сампьер. Она хмурилась, и переносицу ее пересекали тонкие морщинки. Возле нее примостился младший из Эрмелинов, пытаясь заглянуть ей в глаза, но Луиза упорно смотрела в сторону.

– Это просто ужасно, – жалобно промолвил Гюстав. – То, что произошло вчера...

Он не договорил.

– Да, ужасно, – мертвым голосом подтвердила девушка.

– Бедная мама! – вздохнул юноша. – Никогда не думал, что все случится... так быстро. – Он помедлил. – Как ты думаешь, Проспер...

– Что – Проспер? – вскинулась Луиза.

– Я все не могу забыть его слова, – признался Гюстав. – И Кристиан... Кристиан тоже встревожен, а про Эжени и говорить нечего.

Наконец-то Луиза подняла на него глаза.

– Ах, так ты об этом? – В тоне ее слышалось неприкрытое презрение. – Конечно, сам по себе Проспер – ничтожество, но вместе со своей сестрицей и Боваллоном...

– Думаешь, он сказал правду? – настойчиво спросил Гюстав.

– Правду или нет, какая разница, – отмахнулась Луиза. – Втроем они могут сфабриковать что угодно.

Гюстав судорожно сглотнул. Амалия, притаившись между книжных шкафов, почти не дышала. Стало быть, управляющий высказал какое-то предположение, которое не на шутку перепугало членов семьи Эрмелин. Интересно, что такого он сказал, если все так встревожились? Уж не о том ли были его слова, что мадам Эрмелин умерла не своей смертью?

– Ты сегодня не в духе, – робко заметил Гюстав. – А я так хотел посоветоваться с тобой. Завещание мамы не выходит у меня из головы.

Впервые за все время разговора Луиза улыбнулась.

– Бедный Гюс, – выдохнула она. – Ну что я могу тебе посоветовать? Я ведь знаю об этом столько же, сколько и ты. Одно могу сказать: тетя умерла не вовремя.

– Я никогда не мог понять, зачем она так приблизила к себе Проспера, – сказал Гюстав, краснея. – И теперь, похоже, всем нам придется расплачиваться за это.

И он заговорил об Эжени, которая не находит себе места после смерти матери, о том, как Феликс ее поддерживает, как переживает Кристиан...

– По-моему, больше всех переживает все-таки Проспер, – резко заметила девушка.

– Луиза! – вскинулся Гюстав. – Что ты говоришь? Ты же сама знаешь, что он за человек! И вообще, ему не место в нашей семье!

Его кузина отвернулась. Гюстав вновь принялся доказывать ей, что она заблуждается. Рассудив, что ей нет больше смысла слушать чужой разговор, Амалия на цыпочках выскользнула из читальни, все еще держа в руке томик Гофмана. «Нет, я была права. В этой семье и впрямь что-то неладно», – подумала она.

Амалия поднялась на палубу. Океан был серый и возле самого окоема почти неразличимо переходил в серое же, покрытое тучами небо.

«Отчего все-таки умерла мадам Эрмелин? Доктор сказал, у нее лопнул сосуд в горле... А что, если он не прав и причина кроется совсем в другом?»

Течение мыслей Амалии прервало появление на палубе Надин Коломбье. Зябко поежившись, она подняла воротник своего пальто, подошла ближе.

– Доброе утро, мадам Дюпон... Вы придете на похороны?

Амалия заверила ее, что придет.

– Мой бедный брат так удручен всей этой историей... – продолжала Надин. – Он был очень привязан к Констанс, знаете ли.

– Констанс? – подняла брови Амалия.

– Мадам Эрмелин, – пояснила сестра управляющего.

– Говорят, она была весьма богата, – невпопад заметила Амалия.

Однако Надин понимающе улыбнулась.

– Чрезвычайно, – важно сказала она. – Она была единственной наследницей госпожи Бежар, которая доводилась ей троюродной бабушкой.

– Разве? – усомнилась Амалия. – Мне кажется, что там вроде был еще один наследник.

Почему-то при этих словах лицо Надин Коломбье стало настороженным, а любезная прежде улыбка превратилась в оскал, наподобие кошачьего.

– Я имею в виду брата мадам Эрмелин, – с удивлением пояснила Амалия. – Ведь Луиза Сампьер его дочь?

– Ах, вот вы о чем! – Надин Коломбье с облегчением рассмеялась. – Разве вы не слышали? Брат Констанс погиб в железнодорожной катастрофе, когда его дочери было всего три года. В это время мадам Бежар была еще жива. Она скончалась одиннадцать лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.